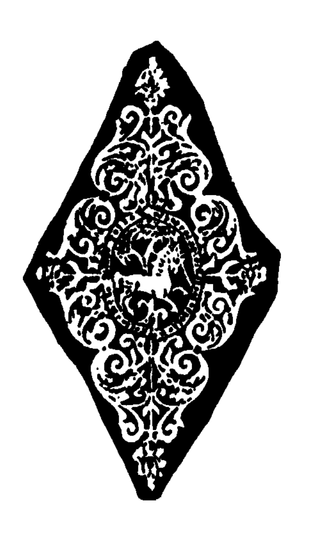
Леонидъ Зуровъ.

YMCA-PRESS

Paris

ЛЕОНИДЪ ЗУРОВЪ

ОТЧИНА

Повѣсть о древнемъ Псковѣ

Второе изданіе

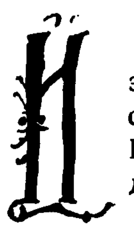
YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
Paris 5

Очерки „Отчина“ — результатъ весенней работы въ Псково-Печерскомъ монастырѣ.

Пользуясь гостепріимствомъ обители, я смогъ просмотрѣть рукописную библіотеку, хранящуюся въ ризницѣ, и сдѣлать зарисовки буквъ, концовокъ, водяныхъ знаковъ и кожаныхъ тисненій.

Въ библіотекѣ мнѣ удалось обнаружить заброшенную икону съ рисункомъ обители конца царствованія Алексѣя Михайловича и богатую киноварными буквами рукописную книгу XYI вѣка Государева Дьяка Мисюря Мунейхина.

Авторъ.

зъ крестовъ скована Русская земля;
И черезъ кресты восходитъ солнце.

Малая обитель.

I.

ъ эти годы былъ страшенъ дальній храпъ коней и шумъ пустыхъ обозовъ.

Въ чужихъ слѣдахъ были поля. По веснѣ не зацвѣли посѣченные сады, пчелы не прилетѣли на разоренныя пасѣки.

Гуляла по Псковщинѣ Литва, жгла деревни, гонялась за бѣглыми и ушла, оставивъ боры, мхи, поля съ угольемъ и трупье на мѣстѣ сѣчъ.

По широкимъ дорогамъ гнали псковскихъ полонянниковъ.

Шли они, не поднимая глазъ, безъ шеломовъ и кольчугъ, въ бѣлыхъ долгихъ безъ подпоясокъ рубахахъ, босые, связанные одной веревкой.

И на остановкахъ украдкой глядѣли они въ ту сторону, гдѣ остался родимый край, и на облака, что летѣли надъ Русью, надъ низкими церквами, надъ волной озерной, надъ родной льняной нивой.

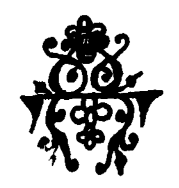
Осенью по опустѣвшимъ полямъ брелъ народъ къ сопкамъ, гдѣ подъ согнутыми озерными вѣтрами соснами темнѣли всѣченные въ каменныя надгробья кресты.

Вѣтры, сметавшіе пески съ корней, слушали тоскующій плачъ псковитянокъ.

Многіе погибли въ тѣ годы въ лѣсахъ голодной смертью, а уцѣлѣвшіе бродили подъ окнами, указывая на рубища, изъязвленныя ноги и на малыхъ голодныхъ дѣтей.

лавна земля Твоя, Святая Троица. Каменные пригороды сторожатъ на холмахъ Твои воды и земли, крестьянскою молитвою тянутся къ Тебѣ монастырьки озерные и луговыя церкви.

Широки Твои поля, Святая Троица, а трудно пашню пахать.

айловскій боръ они увидѣли подъ вечеръ.

Топтанная дорожка увела ихъ отъ высокихъ луговъ и дорогъ въ его сосновую темнѣющую тишину.

Впереди шелъ крестьянскій сынъ, за нимъ старикъ, неся въ рукахъ завернутую въ чистую холстину икону, два мужика и служилый человѣкъ.

Изъ-подъ Юрьева Ливонскаго, бросивъ нивы, бѣжали мужики. Пробираясь межъ заглушныхъ деревень, кормясь Христовымъ подаяніемъ, встрѣтили они старика, что брелъ безъ хлѣба и денегъ съ одной лишь иконой.

Отрока они пожалѣли, когда проходили мимо погорѣлыхъ краевъ. Изъ опушки онъ выбѣжалъ и хлѣба попросилъ.

Ратный присталъ по дорогѣ. Не оправился онъ отъ ранъ, шелъ въ рваномъ кафтанѣ, въ подбитомъ паклей шеломѣ, волоча за собой тяжелый боевой топоръ.

Съ восходомъ они пробирались лѣсами, встрѣчая пески, сосны и воду.

Бывало, дѣтинка выручалъ. Билъ челомъ мужикамъ и печаловался, прося накормить.

Но былъ пустъ и тихъ лѣсной край, потерявшій отъ огня свои деревни.

Когда потускнѣла заря, а долгая трава стала росной, рѣшили они ночевать въ бору.

Близъ ручья, на сухомъ мѣстѣ подъ елями настлали они нарубленнаго березнячку.

Въ котелъ съ водой искрошили сухой ломоть ржаного хлѣба, что далъ имъ день тому назадъ мужикъ, угонявшій въ лѣсъ коней, остерегавшій ихъ отъ изборскаго пути.

Былъ обложенъ пригородъ литовскими кострами.

Благословилъ старикъ мѣсто ночное, и, опорожнивъ котелокъ, легли они на тощее сердце.

Дымъ низко стлало надъ звенѣвшимъ межъ ивняковыхъ кустовъ ручьемъ, усталость томила, и, прижавшись плечо къ плечу, уснули они подъ шорохъ вершинъ.

Старикъ, приставивъ къ корнямъ икону, остался молиться. Въ забытьи, прижавшись лбомъ къ холодѣющей землѣ, услышалъ онъ предостерегающій гулъ.

Вставала зорька, и вдали за туманомъ пропѣли пѣтухи.

Близка была деревня. Что-то толкнуло старика разбудить странныхъ людей.

Передъ иконой они отбили поклоны и въ то поранье, когда еще молчали птицы и солнце не начинало золотить вершины елей, тронулись въ путь стороной отъ дороги.

Не долго держалась тишина. Конскій топотъ разбудилъ дорогу, пробѣжали мужики, и отъ от-

ставшаго они узнали, что напала на Тайлово Литва.

Потомъ блѣдное зарево взошло противъ зари.

Мужикъ ихъ вывелъ въ оврагъ къ ручью, заросшему орѣшникомъ, папортью и вербьемъ.

На кручѣ, надъ тремя мхомъ подернутыми валунами, дубы несли свою могучую зелень.

Солнце взошло надъ веселымъ березнякомъ, подъ утреннимъ вѣтромъ зашумѣли вершины, зазвенѣли птицы, и, роняя мѣдь, забила кукушка.

Крестьянинъ провелъ ихъ на дно оврага и указалъ на запутанный корнями сосенъ узкій, поболѣе лисьяго, пещерный входъ.

III.

ервыми провѣдали объ ихъ жизни изборяне, лѣсовавшіе бѣлку, и копавшіе на горшки глину пачковскіе бобыли.

Видѣли они человѣка, шедшаго въ лѣсъ по дрова, и у камней молившагося старца.

Принесли они и положили на пни хлѣбъ и сушеную рыбу.

Былъ молчаливъ глухой оврагъ съ скатами, поросшими мхомъ и брусницей. У береговъ ручья лежали выгнившія, заросшія грибами березы.

Рой прилетѣлъ на липу. Смастерилъ отрокъ двѣ борти и поставилъ ихъ на полянѣ. Былъ вблизи верескъ и некошеные луга.

По утрамъ отрокъ ловилъ въ рѣчкѣ щукъ, — тамъ въ прибрежной травѣ рыба жила и шумѣла, — а по вечерамъ слушалъ старца, учился стоять на молитвѣ и подпѣвать.

Но миновали глухія времена, и потянуло мужиковъ къ пашнѣ.

Благословилъ ихъ старецъ на уходъ и сказалъ, что чистъ путь всѣмъ, а не покинетъ онъ пе-

щеры и кончитъ здѣсь жизнь въ молитвѣ ко Пресвятой защитившей ихъ Богородицѣ.

Служилый упалъ ему въ ноги и попросилъ благословить на подвигъ пустыннаго житія, а отрокъ, заплакавъ, сказалъ: «Уйду отъ тебя, коли силою прогонишь».

Въ день ухода остальныхъ на вечерней молитвѣ у дубовъ передъ иконою Успенія, дали они молчаливый обѣтъ цѣломудрія, послушанія и нищеты.

IV.

ъ Псковѣ, при соборѣ Живоначальной жилъ священникъ изъ Юрьева Ливонскаго.

Звали его Іоаннъ, по прозванію Шесникъ — пришлый. Былъ онъ великъ ростомъ, густоволосъ, лѣто и зиму ходилъ съ непокрытой головой.

Когда крыжаки начали привлекать православныхъ къ латинской вѣрѣ, надѣвъ подъ рясу кольчатый панцырь, бѣжалъ съ женою Іоаннъ подъ защиту стѣнъ Пскова.

Потомъ въ Псковщину пришла вѣсть, что во время водокрестія были умучены за правовѣріе и брошены подъ ледъ Амовжи его другъ пресвитеръ Исидоръ съ причтомъ, прихожанами и малыми дѣтьми. Весной, послѣ водополья обрѣли ихъ тѣла нетлѣнными въ трехъ поприщахъ отъ града на песчаной косѣ и похоронили на буевищѣ у святого Николы.

На торгу въ воскресный день услышалъ Іоаннъ о старцѣ и пещерѣ при потокѣ Каменцѣ.

Взявъ благословеніе, раздавъ рухлядь нищимъ, закинувъ торбу за плечи, босымъ пошелъ онъ къ Каменцу.

У пачковскихъ бобылей оставилъ онъ домочадцевъ и, спустившись къ пещерѣ, покаялся во всемъ Марку и сказалъ, что не нищеты ради пришелъ онъ къ нему, а ради покаянія и подвига.

Трудами своихъ рукъ начали они копать церковь въ горѣ. По вечерамъ молились въ пещерѣ. Путникамъ, проходившимъ горой, казалось, что подъ вѣтромъ поютъ вершины.

Горе ихъ посѣтило.

Подъ дубами на молитвѣ отошелъ старецъ Маркъ.

Послѣ смерти принявшей монашескій образъ жены отошелъ въ Псковъ Іоаннъ и вернулся іеромонахомъ Іоной.

V.

Въ съѣзжемъ шатрѣ, объѣхавъ старую валовую межу, договаривался князь съ послами.

Другъ другу они кланялись, обѣщая черезъ рубежъ и стержень не вступаться, поженъ не косить, лѣса не сѣчь, цѣловали крестъ, призывая на обидчика гнѣвъ Божій и, приложивъ къ грамотамъ руки, отплывали къ своимъ землямъ.

Мирные шли годы.

Заря румянила башни Дѣтинца. Уронивъ искры отъ крестовъ въ сѣдую утреннюю воду, лебединымъ стадомъ выплывалъ изъ тумановъ Псковъ.

Пахарь, вышедшій на пригорокъ, княжеская, разбившая на холмахъ свой станъ рать и возвращающійся съ ловли рыбакъ видѣли надъ озеромъ бѣлый, словно отлетающій, градъ.

Послѣ ранней, погрузивъ на корабли вынутыя изъ церковныхъ подваловъ коробья съ товарами, торговые люди псковичи поднимали паруса.

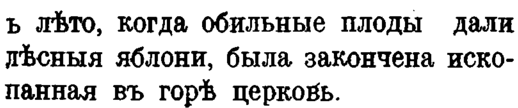
Звонъ падалъ на воду. Выходя на чистый озерный путь, медленно заворачивали сѣрые паруса, вѣтеръ ровно держалъ стягъ Нерукотворнаго Спаса, а за кораблями бусами тянулись груженыя бѣлымъ льномъ ладьи.

Въ перемирные годы закладывалъ Псковъ стѣны, честно принималъ князя и встрѣчалъ новгородскаго владыку, что пріѣзжалъ своихъ дѣтей — псковичъ благословить.

А то высылалъ Псковъ князя съ ратью церкви ставить, сѣно косить и рыбу ловить.

VI.

Въ лѣто, когда обильные плоды дали лѣсныя яблони, была закончена ископанная въ горѣ церковь.

Въ Псковъ отправился Іона просить объ освященіи храма и, не получивъ отвѣта, ибо не было въ Псковщинѣ церкви въ горѣ, кормясь по пути, пошелъ въ Великій Новгородъ, припалъ къ ногамъ владыки и не всталъ, пока не вымолилъ благословенія.

Крестьянинъ Дементьевъ отрѣзалъ отъ своихъ поженъ поприще земли и отынилъ его отъ звѣря и лихого человѣка.

Зеленый боръ радостно шумѣлъ по утрамъ. Въ немъ инокъ на пріисканныхъ деревьяхъ подвѣсилъ дубовыя борти и подкуривалъ ихъ осиновымъ листомъ для пчелинаго здоровья. На откосѣ въ рощѣ мелкихъ липъ разрослась пасѣка. Было тамъ радостно и звонко.

На расчищенной дѣлянкѣ насадили иноки вишенье и яблонье, вспахали полосу подъ рожь и ходили косить къ Тайлову, гдѣ во мху лежало глухое озерко.

Мужики подарили имъ мерина и поженки избылыя чьихъ-то перебитыхъ Литвою жильцовъ.

Пчелы дарили воскъ; сосны и ели — ладанъ. Гнули иноки полозья санныя и жили трудами своихъ рукъ.

А по смерти Іоны обрѣли на немъ вросшій въ тѣло кольчатый панцырь.

VII.

а горѣ срубили они церковь Антонія и Феодосія.

Сообща вывели надъ крытымъ дранницей шатромъ куполъ, изъ желѣза сковали бильце.

Но попустилъ Богъ. Изгономъ проходила Литва. Пограбила она пачковскихъ жильцовъ, и отъ литовскаго огня вознеслась на небо деревянная церковь.

Не тронувъ пещеры, бѣжала Литва изъ обители, оставивъ тѣла посѣченныхъ иноковъ.

На окруженной боромъ полянѣ, гдѣ вѣками спали горбатые валуны, на берегу ручья настигла ее изборская рать, и послѣ сѣчи легла Литва, примявъ мохъ. Снявъ съ побитыхъ доспѣхи, ушли изборяне.

Погорѣлую обитель принялъ игуменъ Дорофей.

Крестьяне привезли въ даръ бревна на церковныя строенія, мохъ для мшенія, три нивы вспахали своими конями.

На бѣдность пожаловалъ монастырь Снѣтогорскій лещей вялыхъ, а Мирожскій хлѣба. Торговые люди псковичи Федоръ и Василій отъ своего праведнаго имѣнія поручили иконописцу именемъ Алексѣю, прозваніемъ Малому, славному на весь

Псковъ и Великій Новгородъ благочестіемъ и строгимъ житіемъ, написать образъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія.

Въ лѣто 1521 поставили образъ въ церковь.

Начала Богородица чудеса творить. Исцѣлила чернеца и отрока бѣсноватаго, нищаго изборянина освободила отъ давнихъ страданій.

Государевъ дьякъ Михаилъ Мисюрь, прибывшій въ Псковъ съ намѣстникомъ и стрѣльцами, осматривая волости, заѣхалъ въ обитель.

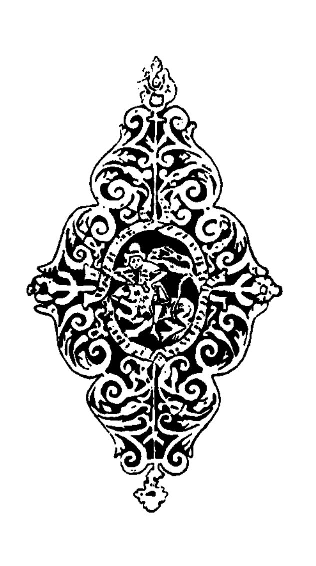
Полюбился ему храмъ подъ земляными сводами, надъ которыми ликовала молодая зелень.

Былъ благочестивъ и степененъ Мисюрь, вѣрилъ въ знаменія небесныя. Сталъ онъ часто наѣзжать въ обитель, живалъ въ кельѣ, помогалъ своею казною, расширилъ монастырь подъ горой, съ игуменомъ установилъ чинъ церковный, службу вседневную, уставъ монашескаго житія и къ уставу свою руку приложилъ.

Подъ нѣмецкимъ рубежомъ въ Тайловѣ погостѣ, близъ Ново-Городка, по веснѣ на горѣ дали яблони бѣлый прекрасный цвѣтъ, и, созывая на молитву, въ лѣсу задребезжало било.

То клепалъ къ утреннему пѣнію монастырь погорѣлый, самый младшій изъ братіи Псковской.

Игуменъ Корнилій.

Тогда жъ убіенъ отъ него Корнилій, игуменъ, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святый и во преподобію многъ и славенъ: бо отъ младости своей во мнишескихъ трудѣхъ провозсіялъ...

И тогда вкупѣ убіенъ съ нимъ другой мнихъ, ученикъ того Корнилія, Васьянъ именемъ, по нареченію Муромцовъ: мужъ былъ ученъ и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголютъ, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ, вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобно мученическія погребены.

(А. Курбскій).

[illegible]

ало бремя игуменское на двадцативосьмилѣтнія плечи Корнилія, постражника Печерской обители.

Съ отроческихъ лѣтъ онъ ушелъ въ монастырь, подъ началомъ старца подвизался, свѣчи скалъ, дрова рубилъ и былъ искусенъ въ письмѣ иконномъ.

Въ кельѣ, срубленной изъ сосны, передъ работой соблюдалъ онъ постъ, молился Владычицѣ объ утвержденіи его въ вѣрѣ и просилъ благословить доски липовыя и краски.

Солнце падало черезъ узкое оконце на склоненную отроческую въ мягкихъ кудряхъ голову. Отъ поста легкій и свѣтлый съ запекшимся ртомъ работалъ онъ въ тишинѣ, ножомъ равняя доску, отдѣляя поля выемкой.

Въ дѣтствѣ мать его научила тайной милостыни и любви къ страннымъ. Мать его боярыня, отирая слезы, инокамъ говорила, что нездѣшній онъ,

сынокъ милый, и родился онъ послѣ тяжелаго лѣта, когда спустили съ Троицкаго собора вѣчевой колоколъ и плакали по вольной старинѣ псковичи.

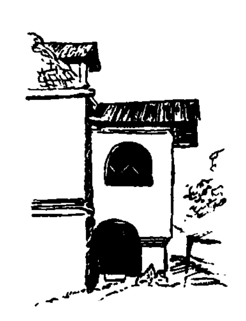
И всегда жалостно становилось ей, когда мальчикомъ ходилъ онъ молиться по скудельницамъ и жальникамъ.

Письму иконному и рисунку буквенному обучили его въ Мирожскомъ монастырѣ. Гусинымъ перомъ научился онъ выводить букву, трогать рукопись золотомъ и киноварью.

Келья была близъ звонницы. Чуть дрожала стѣна, когда звонари начинали перезвонъ. А въ окошко былъ виденъ зеленый поясокъ муравы, пескомъ усыпанная стежка, бѣлая стѣна монастырская и воды милой Великой. И подъ солнцемъ легкимъ вѣтромъ несло облака.

Въ Пасху Христову Пресвѣтлую легко перебиралъ онъ тонкими пальцами веревки, трогая языки тиньковъ, приноравливая острый звонъ къ ревунамъ.

Въ голубой тѣни свода у круглаго выбѣленнаго столба глядѣлъ онъ, какъ таетъ въ выси звонница, а улетѣть ей мѣшаютъ вросшія въ землю каменныя палати и темные многопудовые колокола.

IX.

риступая къ работѣ, становились они на молитву, начиная затворъ и тишину. Одинъ тонокъ, блѣденъ лицомъ, другой погорбленъ и сѣдъ.

Легокъ постъ, по средамъ и пяткамъ — безъ пищи, тонокъ сонъ. Устали нѣтъ при работѣ. Старецъ, краску разбавляя святою водою, наставлялъ по завѣтамъ православнымъ, какъ преподобные писали по пророческому видѣнію, слезами душу омывъ, храня чистоту, трудясь ради своего спасенія, созерцая по праздникамъ древніе образа.

Отрокъ мѣдной ступою янтарь толокъ, помѣшивалъ лучиной свѣтлѣющую олифу, руку подносилъ къ огню, пытая жаръ, золото сусальное съ патокой перстомъ творилъ, воскъ скоблилъ, золотой листъ сѣкъ на кожѣ ножомъ.

Доску иконную, сухую и гладкую, проклеивъ до лоску, левкасилъ кистью, а потомъ подчищалъ сухимъ хвощемъ, напоминавшимъ зеленые берега озеръ.

Жила у нихъ радость работы. Солнце съ ранняго утра било въ окна, играя на кубышкахъ муравленныхъ, раковинахъ и черепкахъ. Старецъ

знаменовалъ икону, золотилъ вѣнцы, трогалъ кистью свѣтъ, поля и начиналъ доличное. По ризамъ пускалъ складки, травы и кресты. На деревьяхъ рождались заостренные листы. Купола церковные начинали сіять на тепломъ золотѣ неба. А воду писалъ — по свѣтлой празелени бѣжалъ синій раздѣлъ волны съ бѣлымъ сломавшимся гребешкомъ.

Въ открытое окно были видны облака надъ мертвымъ жемчугомъ стѣнъ. Съ глинянаго рукомойника капала вода. Тихо на бѣлыхъ крыльяхъ летѣлъ въ обители день.

Пробуя кисть на ногтяхъ, гладя накладное золото зубомъ медвѣжьимъ, задумывался отрокъ, останавливалъ руку, а глаза слезами поволокло.

— О, Пресвятая Дѣво, Госпоже Богородице, Дѣвственныхъ похвало, цвѣте прекрасный... — пѣлъ старецъ.

— Образъ Твой грѣшніи, цѣлующе раби Твои, любезно Ти припадающе ко пресвятой Твоей иконѣ...

Отрокъ безмолвно молился милой Владычицѣ, тихому веселію матерей, чистой хранительницѣ, древними милостями покрывающей отчину.

— Спаси, Госпоже, помилуй
Посадниковъ Псковскихъ степенныхъ
И всѣхъ посадниковъ Псковскихъ
И всѣхъ людей Псковичъ.
Спаси, Госпоже, помилуй
Соборъ Святыя Троицы,
Соборъ Святыя Софіи...

Колокола на звонницахъ пѣли о вечерѣ, какъ дымы кадильные шли облака, легкое уходящее

солнце лежало на водахъ — радугой золотой осѣняла Троица вечерѣющій градъ и окрестъ него храмы на зеленыхъ лугахъ.

Бѣлыя звонницы — молитвы зодчихъ — пѣли о уходящихъ стягахъ псковскихъ ратей, о колѣнопреклоненныхъ въ полѣ полкахъ.

черносщнника Феодора іконописца

X.

ъ матушкой да съ государевымъ дьякомъ Мисюремъ въ колымагѣ песками и боромъ пріѣхали они въ малую средь лѣса обитель, что была бѣднѣе любого псковскаго погоста.

Въ тихости своей спускался на поля вечеръ. Небо омылъ закатъ, росою покрылся цвѣтъ травный, солнце, уходя, золотило церковный шатеръ.

Послѣ службы въ пещерной церкви, когда отрокъ шелъ по тропинкѣ, а тьма уже легла межъ стволовъ, глянулъ онъ на небо.

Господи, какія были на немъ звѣзды! Надъ убраннымъ зеленью оврагомъ раскинулся Господень безпредѣльный покровъ съ радостью вечернею, звѣздною. Онѣ мерцали, колебались и пѣли о Господѣ.

Отставъ отъ матери, опустился онъ на колѣни и замеръ.

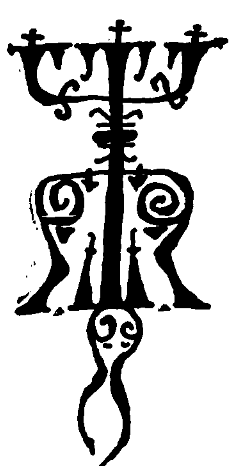
Свѣтъ ширился, заливалъ небо и, наконецъ, хлынулъ въ очи, наполнивъ тѣло восторгомъ и безпредѣльной молитвой.

Мать нашла его въ травѣ и понять не могла, отчего сынъ улыбался и плакалъ.

Оставивъ мірской мятежъ, ушелъ онъ изъ Пскова, и въ Печерской обители возложили на него иноческій образъ.

илъ онъ въ убогой кельѣ, спалъ на доскахъ, покрытыхъ сермягой. Съ солнцемъ вставалъ, правилъ службу и уходилъ на монастырское дѣло.

Въ дни мора, когда по Псковщинѣ церкви стояли безъ пѣнія, было вскопано все могилье, псы влачили мертвыхъ по полямъ, а люди бѣжали отъ селеній въ лѣса, игуменъ Корнилій ходилъ по моровымъ деревнямъ пріобщать здоровыхъ и отпѣвать у круглыхъ ямъ преставившихся.

Города затворяли свои дороги, кликали кличъ по площадямъ, чтобы ѣхали купцы обратно. Встрѣчныхъ по пути опрашивали подъ присягой — не изъ моровыхъ ли они мѣстъ. У колючихъ рогатокъ по дорогамъ горѣли стрѣлецкіе костры, и всякаго пробиравшагося стороной бросали въ огонь съ конемъ, товарами и повозкой.

Въ заморныхъ заколоченныхъ домахъ живые, не смѣя выйти на улицу, помирали голодной смертью, а бѣжавшіе въ лѣса питались листьями липъ и мхомъ.

Тяжело было въ поляхъ править службу отъ смрада людского, ибо плотной волной стоялъ онъ въ сухменье, когда воздухъ курился, была земля горяча, великая мгла по вечерамъ стояла надъ землей, и за мглу уходило солнце.

Здоровымъ, отсиживающимся въ лѣсахъ, иноки носили вареную рожь.

Когда миновало повѣтріе, поднялась въ народѣ вѣра къ обители, и многія стопицы потянулись къ лѣсному монастырьку.

XII.

дали за рѣкою Пимжею въ сосновыхъ борахъ жили чухны.

При набѣгахъ воинскихъ людей бѣжали они къ рубежу.

Подъ охраной сторожевыхъ ратей, на сумежьи земли жгли они побитыхъ. Въ дыму плакали женщины, царапая лица, и на заходящее солнце начинали бѣснованіе старухи, проклиная пришлыхъ людей и жестокую птицу чибиса, выдавшую криками лѣсныя убѣжища.

Ихъ поля охраняли насаженныя на колы мертвыя коневьи головы, а сады — можжевеловые кусты.

Возвращаясь къ священнымъ рощамъ, они украшали дуплины дубовъ вышитыми полотенцами и молились теплому Мигузицкому камню.

Обмазывая его творогомъ и масломъ, они прикладывали къ нему дѣтей и одежду больныхъ.

Дѣвушки, подплясывая и гикая, кружились вокругъ костровъ, взмахивая бѣлыми рукавами.

За Пимжу ходилъ съ проповѣдью Корнилій.

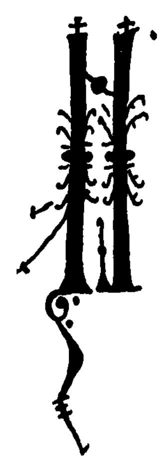
На Свѣтлую Заутреню, христосуясь съ игуменомъ, просили новокрещенцы святой воды для окропленія своихъ хатъ.

Въ Псковщинѣ ихъ назвали полувѣрцами.

Въ даръ образамъ приносили они шерсть, зерно и медомъ мазали губы иконныхъ ликовъ.

XIII.

Недаромъ ходилъ по Ливоніи человѣкъ, пришедшій изъ верхне-германскихъ земель.

Онъ призывалъ всѣхъ очиститься во имя Господне.

Прямые волосы падали на его костлявыя плечи. Горожане смѣялись, кнехты предлагали ему выпить пива, мальчишки дергали за накинутый на его голое тѣло рогожный мѣшокъ, а крестьяне, глядя, какъ подъ его босыми ногами таялъ снѣгъ, вздыхали и крестились.

Онъ работалъ на черныхъ дворахъ и каждый часъ молился на колѣняхъ.

Звали его Юргенъ. Онъ пропалъ средь лютой зимы гдѣ-то подъ Нарвой.

Вскорѣ заплакала Ливонія у конскихъ сѣделъ, провожая хмельное рыцарство и дворянъ.

Отъ звуковъ ратныхъ барабановъ отвыкли города и мѣстечки. Ночная стража не могла обходиться безъ костровъ.

На снѣжныхъ равнинахъ темными потоками сошлись войска, зарева задрожали надъ замками, запѣли въ кустахъ трубы, по мерзлой землѣ запрыгала пушечная пальба, и побѣжала Ливонія, пугаясь росшихъ въ полѣ деревьевъ.

Татары изъ царскаго войска за ноги волочили старыхъ кнехтовъ и молодыхъ дворянъ въ заросшіе кустами овраги.

Съ башенъ замковъ ливонскія дѣвушки увидѣли бѣгущихъ и тучами шедшую по полямъ и дорогамъ Москву.

Отъ Пскова и Изборска на Новъ-Городокъ Ливонскій шли рати. Идя на битвенное дѣло, онѣ заходили къ Владычицѣ въ Печеры подъ благословеніе, молебны послушать и пріобщиться, чтобы съ чистой душой отойти въ бою ко Господу.

Съ поля несли сюда тяжелые дубовые гробы колоды съ тѣлами убіенныхъ.

Въ сырой тишинѣ пещеръ иноки копали имъ послѣднее убѣжище, вмуровывали въ стѣны камни гробные и вписывали въ синодикъ имена.

Искалѣченныхъ мечами и пушечнымъ свинцомъ иноки лечили и кормили изъ благочестія.

Засыпали обитель снѣга. Надъ оврагомъ чернѣли голые дубы и потонувшія въ сугробахъ ели.

Трапеза монастырская была открыта для путниковъ и бѣглыхъ.

Царь Иванъ смиренно ночевалъ у Пречистой и далъ обители грамоту.

Не велѣлъ онъ судить игумена Корнилія съ братіей и скрывающихся въ обители чухонъ.

Послѣ боевъ пріѣзжали московитянки поплакать у гробовъ мужей и одѣлить Владычицу подвѣнечными жемчугами, гривнами и вышитыми по обѣту покровами.

XIV.

ояринъ князь Андрей Курбскій шелъ къ Нѣмецкому городку.

Сабельный слѣдъ лежалъ на его щекѣ. Подъ богатымъ кафтаномъ въ бѣлыхъ рубцахъ были его плечи.

Возложилъ Корнилій руки на голову князя и призвалъ на него благословеніе Божіе.

Рясу его поцѣловалъ князь и легокъ ему показался путь, и радостно было пасть въ бою за отчину, милую Русь, за великаго Государя, за Пресвѣтлое Православное Царство, цвѣтущее, какъ пшеница чистая передъ Господомъ.

Сталъ онъ часто наѣзжать, и домомъ роднымъ ему была обитель.

Много костей лежало въ лѣсахъ, поломанные мечи и шеломы ржавѣли въ травѣ.

Въ августѣ осаждалъ князь Андрей Феллинъ. Въ Успенье послалъ къ нему игуменъ просфору и святую воду. Когда въѣхалъ священникъ въ русскій станъ, начали на стѣнахъ метаться нѣмцы, городъ вспыхнулъ огнемъ и, отворивъ ворота, пошелъ подъ государеву саблю и волю.

Челомъ ударили Владычицѣ воеводы и подарили колоколъ-нѣмчинъ — серебряный, а царь велѣлъ къ нему ѣздить дважды въ годъ со святою водою.

Весною прискакалъ къ стѣнамъ строющейся обители князь Андрей.

Встрѣтивъ игумена, упалъ онъ къ его ногамъ и глухо зарыдалъ, не поднимая лица.

Молча стоялъ надъ нимъ Корнилій. Рукой гладилъ Андрееву за время отлучки посѣдѣвшую голову.

Плача повѣдалъ Курбскій о русскихъ побитыхъ княжатахъ, о кровавомъ царскомъ судѣ, о томъ, что отвернулось отъ Государя Андреево сердце.

Съ грустной улыбкой проводилъ его Корнилій, благословивъ крестомъ.

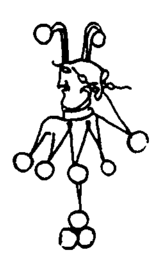
Вскорѣ, измѣнивъ царю, измѣнилъ Россіи князь Курбскій.

Зимою по злымъ снѣгамъ пошелъ онъ съ Литвой разорять Великолуцкую область. Въ мартѣ пригналъ на зарѣ въ Псковщину. На дымъ пускалъ деревни и усадьбы.

Только церквей не жегъ князь Андрей.

Передъ огнемъ на конѣ, въ куньей шапкѣ, сѣдоусый, погорбленный, вздрагивалъ при крикахъ полонянниковъ проклятый въ своемъ отечествѣ князь Андрей.

И, отвернувшись отъ литовскихъ воеводъ, склонивъ голову, рукавомъ смахивая слезы, просилъ Господа простить его измѣну.

XV.

ородовую стѣну и церкви созидалъ любимый ученикъ, духовный сынъ игумена Корнилія и старца Васіана Муромцева инокъ Пафнутій Заболоцкій.

Долголицый, препоясанный веревкой, любилъ онъ класть изъ мелкой плиты узоръ пояскомъ по шейкѣ купола. Любилъ, когда иконники, сидя на подмосткахъ, украшали церковь письмомъ настѣннымъ, любилъ ея радостную и ясную красоту.

Оттого неровны были стѣны, что у воздвигавшаго ихъ отъ восторга дрожала рука.

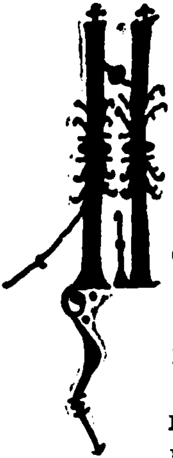
Во снѣ онъ видѣлъ звонницы на радостныхъ Господнихъ поляхъ и храмы надъ волнами полей, какъ уходящіе въ небо прямые паруса ладей.

Когда зори догорали на камнѣ узкихъ звонницъ, за холмы уходило солнце, вѣтеръ звенѣлъ въ быльѣ и розовымъ мелкимъ жемчугомъ въ небѣ стояли облака, — опускался Пафнутій на колѣни и, припадая лицомъ къ еще теплой отъ солнца травѣ, просилъ Матерь, чтобы миловала Она скудныя псковскія поля.

Былъ зодчимъ Господнимъ инокъ Пафнутій.

заболоцкой.

XVI.

адъ очищеннымъ мѣстомъ сотворилъ игуменъ Корнилій молитву и своими руками положилъ начало алтарю во славу Николы Святовратскаго.

Крестьяне по стѣнному мѣсту несли на плечахъ икону Владычицы. Пѣли иноки, на деревянной звонницѣ били въ колокола-невелички.

Игуменъ кропилъ сложенную косыми саженями плиту, лѣсные припасы и чаны съ известью.

Спустившись въ Каменецкій оврагъ, просѣкой со сваленными по краямъ соснами шелъ крестоходъ.

Въ полѣ шалашами стояли изборскіе каменщики, стѣнщики, ломцы и пачковскіе землекопы. Пожаловалъ ихъ игуменъ, благословилъ на церковное и монастырское строеніе.

Были среди нихъ пришедшіе по обѣту, трудящіеся по своему усердію, съ вѣрой клавшіе каждый камень.

Часто полкъ, проходя мимо, усталый полкъ, скинувъ брони, трудился у монастырскаго дѣла, прося помянуть ихъ имена, какъ Богъ въ бою пошлетъ по ихъ души.

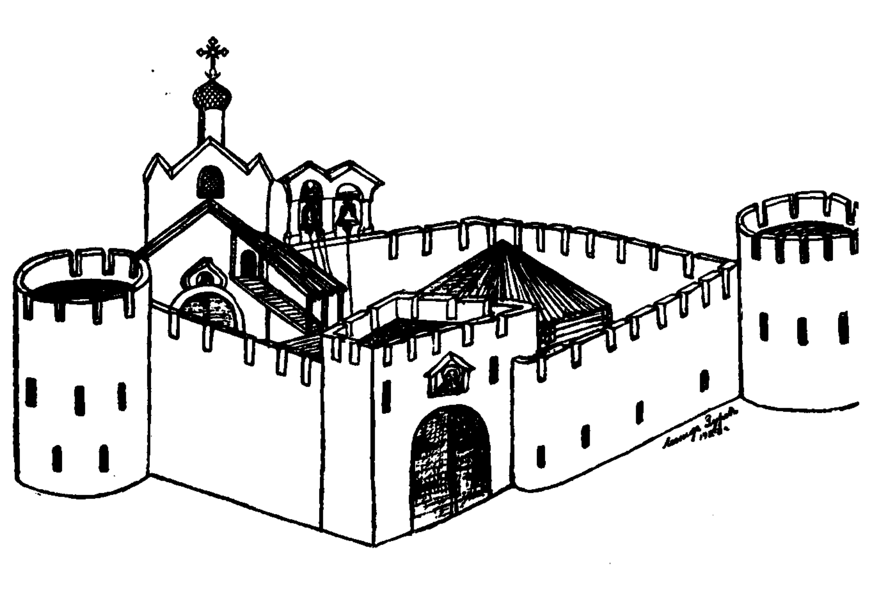
Говорилъ народъ, возившій плиту, что легки

были конямъ полные возы и тяжелы возы лукавые.

У рубежа валили лѣсъ, волокли его къ Пимжѣ рѣкѣ, спускали къ Куничьей горѣ и тесали по добровольному раскладу неоплатно Изъ сосны рубили кельи, караульныя избы. Раскалывали клиньями, обтесывали топорами. Осину разсѣкали на дощечки, чтобы покрыть кровлю по чешуйному обиванью.

Псковскіе люди жертвовали на опайку главъ оловянныя блюда, въ сливку колокольную горѣлую мѣдь, желѣзо на языки и дарили парчу для построенія ризъ.

А обозерскіе рыбаки, забрасывая про обитель сѣти, кланялись рыбой.

XVII.

Въ Острогѣ на Святыхъ воротахъ свершилъ Пафнутій каменный храмъ и главу его обилъ золочеными колосами.

Надъ песчаной, протоптанной первыми иноками тропой, благословляя смиренно входящихъ, перекинулся Никола.

Его о трехъ столбахъ звонница звала къ молитвѣ и къ осадѣ. Колокола были слиты изъ ратной мѣди. Въ его клѣть положили монастырскій боевой запасъ.

Тяжелыя плитяныя ступени вели къ образу Николы Ратнаго въ храмѣ на рѣзи.

Былъ строголицъ и грозенъ хранитель воинскихъ рубежей, въ правой рукѣ держалъ мечъ, а въ лѣвой— Дѣтинецъ съ храмомъ.

Оборону обители поручилъ ему Пафнутій, и передъ нимъ преклонили свою хоругвь первые монастырскіе стрѣльцы.

А тамъ, гдѣ росъ дубовый дикій лѣсъ, надъ пещерами, средь яблоноваго и вишневаго сада, изъ молитвенной тишины поднялись два золотыхъ шатра съ проросшими изъ маковицъ крестами.

Выше холмовъ стесалъ Пафнутій изъ бѣлаго камня звонницу отъ Запада къ Востоку. Кровлю ея увѣнчалъ прорѣзной главкой съ колоколомъ — благовѣстникомъ.

Бѣлой стрѣлой неслась она изъ подола къ небу, готовая растаять въ утренней зарѣ.

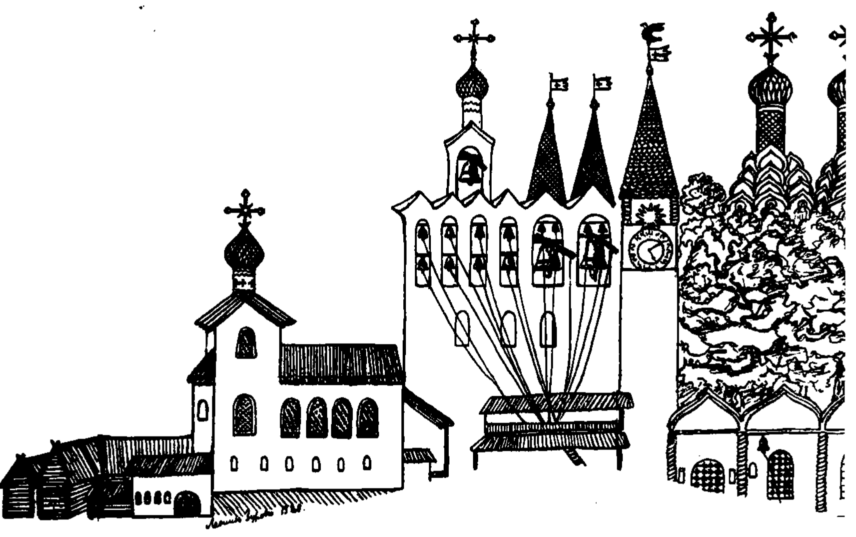
А въ ея палатяхъ подъ шестипролетной колокольницей, подъ зазывными, прибойными и тиньками устроилъ онъ малый храмъ.

Вокругъ оврага выросъ каменный городъ съ круглыми и брусяными башнями, надѣвшими острые, завершенные крестами клобучки.

Три дороги принимали обительскія ворота. Святыя — богомольцевъ, Нижнія — колымаги и коней, а Изборскія— гонцовъ съ Псковской дороги.

Храмъ и стѣны бѣлѣли старой изборской известью, смѣшанной съ льномъ. Была та побѣлка крѣпка и чуть розовата.

А какъ просохли стѣны, прослушавъ въ священномъ облаченіи молебенъ, иконописцы пошли на лѣса.

XVIII.

ронула сѣдина игуменскую бороду.

Со всѣми ласковъ и привѣтливъ, молча слушалъ онъ людей, помолившись благословлялъ, а когда клалъ тонкую руку на русую голову крестьянскаго сына, любовью было переполнено его сердце.

Словно зналъ онъ и простилъ всѣ грѣхи людскіе.

При звукѣ его голоса открывались сердца, стыдъ отбѣгалъ, послѣ покаянія люди плакали облегчающими душу слезами.

Былъ онъ простъ, но царь Иванъ послѣ грѣшнаго дѣла часто вспоминалъ взглядъ игуменскихъ глазъ.

Многіе опальные люди приняли въ обители иноческій чинъ.

Рати шли. Царь лилъ кровь въ Москвѣ и Ливоніи. На смуты и тяжкія времена указывало небо.

Смиренно молилъ Бога Корнилій, чтобы далъ Онъ устроеніе земское и миръ, и тишину, и послалъ бы свыше свою благодать рабу Ивану. Ко Владычицѣ припадая, молился онъ со слезами, чтобы не предала Она Руси за многія безчисленныя прегрѣшенія, за невинно пролитую кровь.

Все несла въ обитель незамиренная, голодная, мимо проходившая Русь.

XIX.

Тяжкія времена пережилъ Псковъ.

Въ апрѣлѣ ночью надъ Псковомъ стягомъ выросло зарево.

Занялось у Новаго Креста. Огонь рвалъ сухія кучи хоромъ, рядовыя улицы, гдѣ лавки были въ одинъ срубъ, дворовыя мѣста, облизывалъ и раскалялъ каменныя стѣны.

Черезъ Великую перекинуло на Запсковье, и закипѣла у береговыхъ камней вода. Взметывало головни, выбрасывало клубъ за клубомъ шумное, какъ весенній ревущій потокъ, искорье, гнало пламя по крышамъ, взрывало высушенные огненнымъ зноемъ сады.

Церкви свѣчами возносились къ небу, съ главъ по деревяннымъ жаркимъ срубамъ смолой бѣжала мѣдь, колокола стекали въ сухую землю.

Занялось Подгорье и посадъ до Гремячей горы.

Изъ церквей въ дыму выносили иконы. Люди, накрывъ кафтанами головы, метались по улицамъ, ища выхода, и упавъ вились, какъ черви. Криковъ человѣческихъ не было слышно изъ-за шума огня.

Въ Кромѣ вспыхнули житницы.

Черезъ разсѣвшіяся стѣны вылилось золотое отъ жара зерно.

Когда тяжело рвануло пороховые погреба, вынося каменную стѣну Дѣтинца, землю, клубы бѣлаго солоноватаго дыма, людскія тѣла, — занялся видный на десятки верстъ розовый отъ огня соборъ Святыя Троицы.

На потоптанныхъ нивахъ стоялъ ослѣпленный жаромъ народъ. Священники, рыдая передъ вынесенными образами, служили противъ огня молебны.

Плачи тонули въ ночи, ихъ забивалъ шедшій вихремъ шумъ огня. Пылали верхи башенъ, деревянные мосты на стѣнахъ, и изрѣдка били раскаленныя пушки.

Бродила потомъ половина Пскова по пожарищу, ища средь головней и золы кости родныхъ и любимыхъ. Пушкари выкапывали стекшую въ землю пищальную мѣдь, разбирали разсыпавшіяся въ гверсту каменныя ядра, и всѣ со слезами глядѣли на погорѣвшую Троицу.

XX.

естока была держава царя Ивана.

Въ народѣ говорили, что волхвы ожесточили и сдѣлали жаднымъ до человѣческой крови его сердце.

Отъ поклоновъ былъ теменъ, словно закопченъ его лобъ, а кожа пальцевъ изранена колокольными веревками.

Осиротѣвъ на четвертомъ году, отрокомъ любилъ онъ смотрѣть, какъ въ спущенныхъ прудахъ билась, засыпая, рыба. Всегда весело ударяло его сердце, когда подъ сѣкирой прыгала приложенная къ колодѣ голова.

Царемъ онъ ходилъ по темницамъ навѣщать опальныхъ людей.

Окованнымъ желѣзомъ, израненнымъ острыми помостами онъ задушевно говорилъ о своей тяжкой долѣ, плакался, крестился, а, вызвавъ чужія слезы, поднималъ загорѣвшіеся презрѣніемъ, никому не вѣрившіе глаза.

Ночью онъ часто плакалъ, вспоминая, какъ плакивалъ въ дѣтствѣ отъ сиротства и боярскихъ обидъ, забившись въ кусты дворцоваго сада.

Черезъ строй выгнанныхъ плетьми на мостъ, раздѣтыхъ донага отроковицъ въѣхалъ царь въ опальный Новгородъ.

Пять недѣль гуляла по городу опричина. Топила въ дымящихся отъ мороза полыньяхъ Волхова опальныя семьи, разъѣзжала въ саняхъ съ бубенцами по улицамъ, привязавъ за ноги бояръ, разбивая ихъ тѣла о срубы на крутыхъ поворотахъ.

Уходя по большой дорогѣ на Псковъ, оставивъ опустошенный, надолго замолчавшій Новгородъ, вѣшала она людей на деревьяхъ и рубила по пути рѣзныя окна и ворота.

Знова гра
да·дѣ·дщь
побиты. еі бабъ в новѣ горо.

ъ субботу, на второй недѣлѣ Великаго поста, Псковъ замеръ.

Къ ночи пригнала опричина въ обитель Николы въ Любятово.

Въ Псковѣ, не смыкая глазъ, плакали и молились въ новоотстроенномъ соборѣ псковичи.

Въ Любятовѣ въ полночь, выйдя на крыльцо, царь услышалъ плывшій отъ Пскова звонъ. Хлопьями надъ полемъ падалъ снѣгъ.

Тяжелымъ пологомъ висѣло небо, снѣгъ замелъ дорогу. На торговищѣ, настежь отворивъ ворота града, съ иконами и крестами ожидало царя черное и бѣлое духовенство.

Въ поляхъ, подкатываясь къ стѣнамъ, звенѣла трубами опричина.

На ворономъ аргамакѣ, съ крестомъ на груди въ лисьей, спустившейся на глаза шапкѣ, ѣхалъ царь.

У воротъ, уронивъ покорно голову, на колѣняхъ стоялъ Псковскій князь. А на улицахъ и площадяхъ, по пути царской избранной тысячи, на

снѣгу передъ палатами и избами замеръ колѣнопреклоненный Псковъ. Были выставлены полные снѣди и медовъ столы, — то псковитянки, держа на рукахъ дѣтей, встрѣчали царя хлѣбомъ-солью.

Озираясь по сторонамъ, задерживая коней, тихо вошла чернокафтанная опричина. Ее смутило молчаніе улицъ.

Оплакивая честь и боевые дни, падалъ надъ Псковомъ великопостный звонъ.

А на пустой, покрытой пушистымъ снѣгомъ площади — босой, колѣни голы, въ рубищѣ, въ мѣдныхъ тяжелыхъ крестахъ — прыгалъ верхомъ на палочкѣ юродивый Никола.

— Иванушко, — ласково крикнулъ онъ остановившись передъ конемъ, протянувъ сухую, потемнѣвшую руку, — покушай, родный, хлѣба-соли, а не крови...

— Иванушко! — снова крикнулъ онъ и склонилъ къ плечу простоволосую голову.

Конь сталъ. Внезапно поблѣднѣло до желтизны лицо царя. Опершись руками на сѣдельную луку, не отрывая отъ юродиваго глазъ, онъ молчалъ. Задрожали положенные на луку пальцы рукъ.

— Иванушко! — Юродивый скакалъ къ собору Живоначальной.

— Схватить! — страшно крикнулъ царь, и, забивъ подковами по площади, бросились за юродивымъ опричники.

Но площадь была пуста. На колѣняхъ стоялъ народъ. Снѣгъ падалъ на иконы и хоругви.

Заняло духъ. Царю захотѣлось, ударивъ плетью, всѣхъ смять конями. Закрывъ глаза, онъ боролся, а приподнявъ тяжелыя вѣки, почувствовалъ взглядъ чьихъ-то глазъ.

У иконы съ крестомъ стоялъ игуменъ Корнилій.

Снявъ шапку, царь сталъ поспѣшно креститься. Потомъ слѣзъ съ коня и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ кресту.

Шелъ онъ погорбленный, жидкобородый, волоча ноги.

Въ соборѣ онъ плакалъ о тѣхъ, кого убилъ въ Новгородѣ. Смиренно, не поднимая глазъ, сдерживая медленно бьющееся сердце, онъ вышелъ на торговище и приказалъ гнать вонъ изъ Пскова.

Въ становищѣ, скинувъ на руки опричниковъ шубу, припавъ жаркими губами къ братинѣ, онъ окинулъ взглядомъ челядь и приказалъ плясать.

Въ рясахъ, накинутыхъ на шитые золотомъ кафтаны, завилась опричина.

Царь, глубоко сидя, зажавъ въ рукѣ чарку, — не разглаживая морщинъ, мелко смѣялся. Внезапно остановился его взглядъ, и дернувшись застыла улыбка.

Вскорѣ рыжимъ дымомъ занялось богатое село.

Гдѣ ночью стоялъ государь, тамъ на утро пѣло пламя.

Получивъ отъ бѣглаго монаха доносъ на Корнилія, царь приказалъ сѣдлать и ѣхать къ Пречистой въ Печеры.

Заботали по жидкимъ мостамъ подковы.

На вороныхъ коняхъ; то шагомъ, позванивая въ трубы, то съ присвистомъ и гикомъ, пуская рысью, шла вѣрная въ своемъ сиротствѣ опричина.

Тяжела была февральская дорога. Въ сѣрыхъ снѣгахъ темнѣли просовы.

лѣта ҂зча
го велѣ гдрь
црь великій
кнзь іванъ
василіевичь
всеа росіи
помина опа
ны людеи ко
торые побиты.

Въ синодики приказалъ вписать государь имена опальныхъ людей, ручнымъ усѣченіемъ конецъ пріявшихъ, сожженныхъ, изъ пищалей пострѣлянныхъ, имена ихъ Ты Самъ, Господи, вѣси. И изо Пскова Печерскаго игумена Корнилія и старца Васіана Муромцева.

изо пскова
печерского
игумена корнилиа
старца васиана
муромцова.

Осада Пскова.

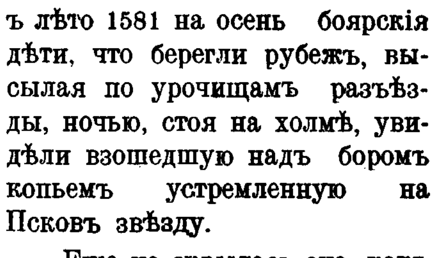
ратіе, мужи псковичи, кто старъ, тотъ отецъ, а кто младъ, то ми братъ...

Потягнѣте за домъ Святыя Троицы и за святыя церкви, за свое отечество".

Псковская лѣтопись

XXIII.

ъ лѣто 1581 на осень боярскія дѣти, что берегли рубежъ, высылая по урочищамъ разъѣзды, ночью, стоя на холмѣ, увидѣли взошедшую надъ боромъ копьемъ устремленную на Псковъ звѣзду.

Еще не скрылась она, какъ по рубежу на сторожевыхъ вышкахъ, перекидываясь по холмамъ, запылало привязанное къ шестамъ смолье, тревожно запѣли рога, поскакали вершники, боевымъ кличемъ застонали пригороды, угоняя съ пастбищъ стада, и отъ Пскова къ царю съ грамотами полетѣли гонцы.

Очищая рубежъ, отошли сторожевые отряды, оставивъ на лѣсныхъ тропахъ людей для развѣдыванія путей литовскихъ ратей и подлинныхъ вѣстей.

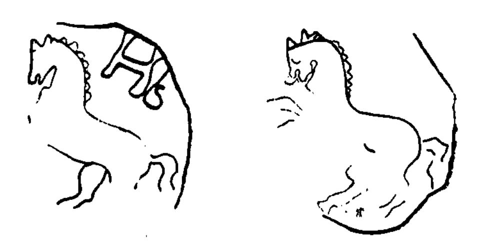
Рыбаки, увидавъ огни, вытащивъ невода, направили къ островамъ тяжелые четырехугольные паруса ладей. Крестьяне, накинувъ тулупы, выходили на поля, глядѣли на зловѣщую звѣзду, слушали зовъ роговъ и крестились.

Шла бѣда.

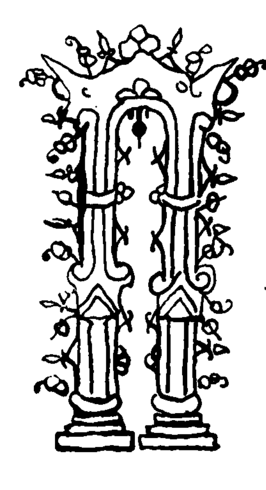
Отъ Заволочья прибѣжали пометавшіе ладьи рыбаки и сказали, что боромъ, песками, подтягивая водой груженыя на плоты пушки, плотно, какъ мошкара, идетъ Литва.

Мимо мужиковъ, чинившихъ мосты, по рѣ-

камъ, грязямъ и переправамъ, на взмыленныхъ коняхъ изъ Литвы проѣхали окруженные верховыми Государевы Послы и приказали мужикамъ сниматься съ работъ.

XXIV.

ольскіе полки шли боромъ, дѣлая по восьми миль въ день, не видя неба, не зная гдѣ взять овесъ и траву для коней, проклиная тяжелые для пушекъ пески и московскаго царя, загородившагося лѣсами.

Хоругви черныхъ и голубыхъ гайдуковъ первыми вышли на твердую дорогу.

Начиналъ желтѣть листъ.

Стояла солнечная тихая осень. До Воронца путь шелъ высокими горами, полными мелкаго камня, а отъ Воронца повеселѣли дали, начались села, деревни. Звонкое безлюдье царило окрестъ.

Не маячила близъ лѣсовъ московская коневница.

Рати, уходя отъ вѣковой псковской межи, запалили поля и рощи.

Въ полѣ стояла сухая отъ ведра трава, и вѣтеръ отъ Руси погналъ огонь на шедшую Литву

Вышгородокъ пылалъ всю ночь, освѣщая пустыя болота, опушки еловыхъ лѣсовъ, взметывая высоко въ небо въ тяжелыхъ дымахъ пляшущее искорье, разстеливъ широкое заревище.

Подъ утро надъ зеленымъ холмомъ, надъ спа-

ленными рублеными башнями и тлѣющимъ на вѣтру церковнымъ срубомъ тремя столбами вздымался дымъ.

XXV.

Часть ротъ съ пригнанными водою двадцатью тяжелыми пушками двинулась по широкой дорогѣ.

Легкая высокая пыль надъ конными полками и низкая надъ венгерской пѣхотой показала путь на каменную крѣпостицу Островъ, что стояла въ полдорогѣ отъ Пскова.

Ночью польскій станъ раскинулся надъ рѣкой.

Падали августовскія звѣзды. Отъ многихъ костровъ стояло зарево, слышно было ржанье, звонъ мѣди, крики, и отъ пороговъ доносило шумъ воды.

Утромъ грозными казались поднимающіеся надъ туманомъ верхи четырехъ башенъ, глубокой обтекавшая Островъ рѣка.

Но выглянувшее солнце показало легкіе броды. Подъ быстрой желтоватой водой просвѣчивалъ камень.

Венгерская панцырная пѣхота не разуваясь пошла ниже крѣпости вбродъ.

Слѣдомъ погнали коней. Пробиваясь сквозь движущуюся живую плотину, запѣнилась вода.

Съ сѣрой ветхой стѣны по проходящимъ бере-

гомъ войскамъ ударили пять пушекъ. Надъ башнями повисли бѣлые пороховые дымы.

Но пѣхота отошла въ сторону, вырыла окопы, и, хотя сорокъ венгерскихъ головъ и нѣсколько убитыхъ рыцарей отволокли за туры, съ полудня двадцать тяжелыхъ пушекъ начали бить по стѣнамъ, кроша камень и пробивая башни.

Легкій дымъ отъ разбитаго известняка окуталъ дрожащую отъ тяжелыхъ ударовъ стѣну.

На ласковую грамоту короля о сдачѣ островичи отвѣтили молчаніемъ.

Ночью горѣлъ вытянувшійся по берегу щукой посадъ и поставленныя на запрудахъ мельнички. Пожаръ показалъ снесенныя до основанія двѣ обрушившіяся въ воду башни и черную дыру въ стѣнѣ, позволявшую идти на приступъ.

На третій день вечеромъ, послѣ заката, похоронивъ половину побитыхъ людей, крѣпость Островъ отворила свои ворота.

Въ соборѣ Николы, что алтаремъ на сѣверъ, плакали женщины. Священникъ пріобщалъ ратныхъ. Отсвѣтъ заката падалъ черезъ пробитый ядромъ куполъ на лежащаго ничкомъ передъ иконой сѣдого воеводу.

Утромъ, когда въ польскомъ лагерѣ побѣдно пѣли трубы, усатые, въ вороненыхъ доспѣхахъ ротмистры привели своихъ пахолковъ и гайдуковъ, и сбивъ плѣнныхъ у обрушившейся Никольской звонницы, приказали имъ раздѣваться.

Воевода, поцѣловавъ отстегнутую саблю, бросилъ ее къ ногамъ ротмистра. Грузно опустившись на землю, побагровѣвъ, онъ сталъ разуваться.

Стрѣльцы, оставшись въ однѣхъ рубахахъ, заплакали, какъ дѣти, отъ стыда и безчестья.

Они слушали вопль женъ и дочерей, прощавшихся съ могилами.

Стрѣльцы цѣловали землю, кланялись другъ другу въ ноги, не отрываясь цѣловали матерей.

Ихъ погнали изъ крѣпости подъ смѣхъ и крики венгровъ.

Женщины въ бѣлыхъ исподнихъ рубахахъ шли, прижимая къ грудямъ иконы съ ободранными вѣнцами. Слезы мочили иконныя доски.

Впереди двухъ десятковъ стрѣльцовъ, опустивъ сѣдую голову, шелъ босой воевода.

Тысячи глазъ смотрѣли на ихъ наготу.

На берегу ихъ сдали казакамъ. Подхлестывая плетьми, они погнали островичей обозомъ, и слуги рыцарей мазали дегтемъ ихъ лица и рубахи.

Въ полѣ, когда они остались одни, воевода, упавъ на колѣни, не отирая слезъ, началъ кланяться своему городку.

Но его подняли и, взявъ подъ руки, повели по Псковской дорогѣ.

Ѳеѡдора оубитого.
Симона оубита.
Ѡлеѯія наратину.
наратину знаніи

XXVI.

Въ осаду для обороны Пскова изъ Печерской обители вышли чудотворная икона Умиленія, Успенія и старая мѣдная хоругвь.

Глухими дорогами и просѣками велъ крестоносцевъ малорослый и сѣдой, въ посѣрѣвшей отъ пыли ризѣ, игуменъ Тихонъ.

Для присмотра и обереганія были отряжены цѣловальники и бобыли. По обочинамъ шли стрѣльцы съ бердышами, конные осматривали путь.

Деревни встрѣчали Владычицу на колѣняхъ. Кланялись поднятыя на рукахъ иконы. Съ звонницъ торопливо спускали колокола, грузили на телѣги церковную утварь. Пропустивъ впередъ печерскихъ крестоносцевъ, деревенскія иконы выходили вслѣдъ.

Полубѣгомъ, охраняя ихъ своими тѣлами, заполняя дорогу и поля, шли встревоженныя деревни. Доносило рыданіе и всхлипываніе.

— Владычица, помоги.... Опаси, Владычица!

На ходу мокролобые рыбаки-крестоносцы смѣняли другъ друга, ловко принимая носилки, цѣлуя оклады. Глухой топотъ ногъ тревожилъ мосты, тишину рѣкъ; надъ лѣсными дорогами, пробивая зелень, курилась пыль.

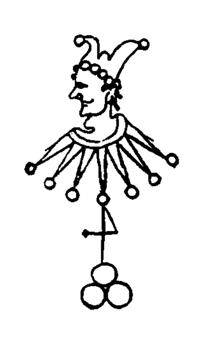
Ночь прошла въ истовомъ пѣніи.

На зарѣ крестоходъ встрѣтилъ гонцовъ, что, надѣвъ на копья шапки, кликали по деревнямъ, чтобы всѣ жгли свое обилье и ѣхали въ осаду.

Надъ тучами пыли и черной толпой жарко пламенѣла цѣпь иконъ.

Посылочные полки, обороняя народъ, кружили по полямъ. Пыль великая стояла надъ всѣми дорогами.

Когда толпа придвинулась къ стѣнамъ, подъ звонъ всѣхъ псковскихъ церквей иконы вошли въ ворота града.

XXVII.

ъ обитель Печерскую былъ посланъ молодой воевода Нечаевъ съ двумя сотнями стрѣльцовъ. Послѣ ранней былъ Нечаевъ на отпуску.

На торговищѣ молились стрѣльцы, вскидывая лица къ куполамъ собора. Послѣ молебна впередъ вышелъ отрокъ, неся въ рукахъ отпущенную для похода икону, и игуменъ Тихонъ окропилъ хоругвь.

Прощаясь, стрѣльцы затрубили. Стихали трубы, былъ слышенъ звонъ Живоначальной.

На слѣдующее утро съ Богомольной горки они увидѣли бѣлый монастырь и темную дубовую зелень.

Ржанымъ полемъ они подошли къ посаду. Хилые, плохого лѣса дворы вдовьи, сиротъ, безногихъ, поселившихся близъ обители для прокормленія, окружали деревянную церковь.

Передъ острогомъ ихъ встрѣтили иноки.

Прикладываясь ко кресту, они вступили въ деревянный острогъ. У караульной избы монастырскіе въ лазоревыхъ кафтанахъ стрѣльцы поднесли Нечаеву хлѣбныя почести, а иноки ударили челомъ и просили оборонять градъ Влады-

чицы и быть милостивымъ къ сидѣльцамъ осаднымъ, монастырскимъ крестьянишкамъ.

Выходя изъ-подъ холоднаго свода Николы, увидѣлъ Нечаевъ брызнувшее въ глаза солнце, бѣлую средь зелени звонницу, золотые церковные верхи, деревянныя кельи, — весь городокъ, лежавшій въ оврагѣ.

XXVIII.

Въ тотъ же часъ, вырвавшись изъ Нижнихъ и Изборскихъ воротъ, поскакали монастырскіе дружинники. Повезли въ шапкахъ памяти во всѣ приказы, мельничныя мѣста и рыбныя ловли.

Бабы и дѣвки, собиравшія въ борахъ журавину и рыжики, побросавъ корзины, побѣжали къ деревнямъ. Мужики, поглядывая на дорогу, выводили коней.

Пушкари и стрѣльцы несли въ обитель свой скарбъ. Служки монастырскіе вели подъ руки старцевъ. Поднявъ пыль, пошли въ подъѣзды и на вѣсти конные стрѣльцы.

Принявъ городовые и острожные ключи, Нечаевъ осмотрѣлъ колодезь, мельничку о двухъ жерновахъ и по деревяннымъ мостамъ обошелъ стѣны и башни.

У Никольскихъ воротъ изъ клѣти стрѣльцы вынимали бердыши и самопалы, топорами рубили на дроби свинчатыя полосы.

Нечаевъ спустился въ пороховую палатку, что была подъ Николой. При свѣтѣ глухого фонаря онъ осмотрѣлъ порохъ въ задненныхъ боченкахъ, кучи ядеръ, дробь въ мѣшкахъ и свинецъ въ деревянныхъ корытахъ.

Уже на хлѣбный дворъ къ погребной службѣ монаху шли подводы, скотъ и возы съ сѣномъ.

Копья ставили по городу. На сторожевую башню стрѣльцы поднимали звонкой мѣди караульную пушку.

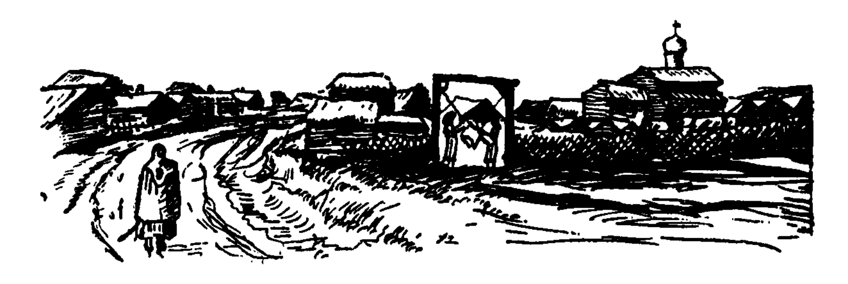
Въ острогѣ Нечаевъ пересмотрѣлъ въ лицо дружинниковъ въ сермягахъ и мужиковъ, что пришли съ копьями, насаженными на длинныя дубовыя ротовища.

Сказавъ дѣло, составивъ именную роспись, онъ ихъ повелъ въ соборъ ко кресту.

Вечеромъ съ озера прїѣхалъ монахъ, привезъ свѣжераспластанныхъ неосоленныхъ щукъ и подобраннаго избитаго Литвой человѣка. Тотъ, сидя на телѣгѣ, показывалъ всѣмъ свою пробитую голову и плакалъ.

На потухавшей зарѣ чернѣли башни. Внизу зажглись крестьянскiе костры. Пробиваясь сквозь опущенныя съ башенъ желѣзныя рѣшетки, шумѣлъ ручей.

Вдали росло зарево, и съ великаго мѣста Пскова доносило бой.

Нахлестывая некованныхъ коней, бѣжала къ Пскову сбитая съ Черехи застава.

Когда передніе, взмахивающіе шапками всадники показались изъ лѣсной опушки, изъ-за прирѣчнаго Мирожскаго монастыря поднялось пламя. Запылало подожженное по воеводскому приказу Заваличье.

Еще полки шли къ стѣнамъ, еще у пушекъ пѣли молебны, но на улицахъ Пскова стало тихо и просторно.

Отъ полуденной страны темнымъ дымомъ спускались, вызванивая марши, конные польскіе полки.

Долгій шумъ шелъ отъ занимавшаго волнистыя поля войска. На тѣхъ поляхъ одиноко бѣлѣли брошенные церкви и монастыри.

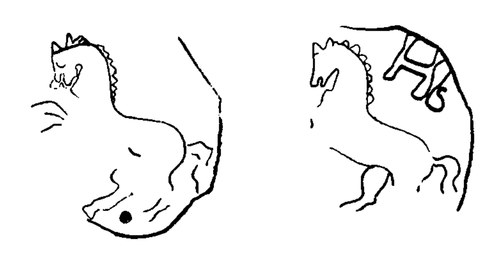
Отдѣльные конные отряды останавливались на холмахъ.

Послѣ деревень, каменистыхъ полей и руоленныхъ изъ тяжелаго лѣса остроговъ, они увидѣли бѣлый Псковъ.

Ихъ волновала чарующая и угрюмая красота многихъ отраженныхъ водой башенъ.

Восковыми кругами лежали вокругъ города березовыя рощи, а у слiянiя двухъ по осеннему посинѣвшихъ рѣкъ подъ безоблачнымъ небомъ, поднявъ изъ-за стѣнъ кованное кружево куполовъ, царствовалъ вознесенный на утесъ бѣлый, какъ холодные московскiе снѣга, соборъ...

Гребни псковскихъ стѣнъ алѣли отъ стрѣлецкихъ кафтановъ, а у воротъ, опираясь на длинные топоры, молчаливо стояла вышедшая въ поле сотня кольчужниковъ.

Въ послѣдніе часы дня, когда теплѣлъ закатъ на крестахъ и золотополосныхъ главахъ, а осенняя вечерняя тишина уже стыла надъ Псковомъ,—на городовой стѣнѣ близъ мѣдной пищали-хвостуши задремалъ цѣлый день ковавшій ядра кузнецъ Дорофей.

Неожиданно открывъ глаза, онъ увидѣлъ расцвѣтшую въ синемъ небѣ золотую зарю. Надъ беззвучнымъ, словно преображеннымъ Псковомъ по млечной жемчужной тропѣ отъ Печеръ шла въ дѣвичьемъ уборѣ Божія Матерь.

Надъ колокольницей Мирожскаго монастыря проплыла Она, надъ водами, башнями и, взойдя на стѣну, остановилась на раскатѣ, держа въ долгоперстной рукѣ ставшій малымъ образъ Умиленія.

Согрѣтый золотистымъ потокомъ, упавъ на колѣни, заплакалъ кузнецъ Дорофей.

И предстали передъ Владычицей умученный Корнилій, рука молебна у сердца, Антоній сѣдъ, брада до персей, Феодосій въ схимѣ, строитель занятаго Литвой Мирожскаго монастыря Нифонтъ, благовѣрные князья Довмонтъ, Всеволодъ, Владимiръ въ одѣяніи ратномъ.

И послѣднимъ предсталъ Никола Юродивый — рубище съ одного плеча спущено.

На колѣняхъ началъ умолять милую Божію Матерь Никола Христа ради юродивый. Руки протягивалъ и плакалъ.

И просили у Ея ногъ за осажденный градъ остальные.

Улыбка Ея просіяла надъ Псковомъ, и скрылось видѣніе отъ глазъ кузнеца Дорофея.

Ночью звѣздной и глухой въ королевскомъ лагерѣ ударили тревогу. Ротмистры выскочили изъ палатокъ къ своимъ конямъ въ однѣхъ рубахахъ.

Въ лагерѣ, указывая на небо, сбившись въ кучи, шумѣла королевская пѣхота. А въ небѣ шли столбы на подобіе конныхъ въ бѣлыхъ крыльяхъ, метущихъ хоругвями войскъ и рождали надъ Псковомъ кресты.

XXXI.

естокая пальба началась съ разсвѣта.

На многія десятки саженъ отъ Великихъ воротъ до Свинусской башни была разбита и разсыпана до земли стѣна.

Плотники подъ ядрами за проломомъ рубили деревянную стѣну, посадскіе записные стрѣльцы нагружали ее камнями.

Къ полудню пальба замолчала.

Передъ рядами полчными ходили попы, пѣли молебны и давали цѣловать кресты. Былъ праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы, и звонили во всѣхъ церквахъ въ то знойное сентябрьское утро.

Положившія обѣтъ въ соборѣ Живоначальной лучшія Псковскія рати, надѣвъ подъ кольчуги бѣлыя льняныя рубахи, уже стояли на проломѣ.

Свѣтлые причастники, они обнимали другъ друга, прося прощенія и уминали острый, мѣшающій твердо стоять щебень.

Было видно, какъ во вражескомъ станѣ у шатровъ бились выставленныя впередъ хоругви.

Передъ приступомъ наступила тишина. Былъ

слышенъ стукъ топоровъ на проломѣ и пѣніе молебновъ.

И вдругъ призывно и весело, созывая роты, близъ гетманскаго шатра ударили въ литавры, и на холмъ выѣхалъ король.

Окруженный лучшимъ рыцарствомъ Литвы, Венгріи и Польши, онъ сказалъ о долгѣ храбрыхъ и подпустилъ рыцарство къ своей рукѣ. Ксендзъ благословилъ упавшихъ на одно колѣно ротмистровъ.

Когда король Стефанъ поѣхалъ къ рѣкѣ, охотники, вскинувъ хоругви, хрипло запѣли, и отъ пѣсни дрогнули на псковскихъ стѣнахъ многія сердца.

Въ среднемъ городѣ у Василія Великаго на горкѣ мелкой дробью забилъ осадный колоколъ, подавая вѣсть о приступѣ всему псковскому народу.

Подъ его звонъ двинулось рыцарство къ пролому.

Позади съ луговъ поднялся венгерскій въ шелку и стали полкъ, вышли нѣмцы, изъ становъ показались новыя знамена и потекли цвѣтнымъ, отливавшимъ серебромъ потокомъ. Били литавры, дрожа и перебивая, пѣли многія трубы.

Первые ряды рыцарей полегли въ полѣ, сметенные ядрами и густой свинцовой усѣчкой, но венгерскіе латники бѣгомъ, держа на вѣсу топоры, бросились подрубать дубовый палисадъ. Ихъ обѣжали нѣмцы. Взмахнувъ мечомъ, ихъ повелъ на проломъ сухой, весь въ вороненой стали ротмистръ.

Камни, колоды, заостренныя бревна опрокидывали людей на дно рва и ломали закрытыя желѣзомъ спины.

Подъ крики первыхъ раненыхъ, надвинувъ на глаза шапки, защищаясь щитами отъ черной смолы, въ клубахъ песка и извести они выползли изъ рва.

Тяжелые топоры псковичей клали латниковъ рядами на бѣлую расщебенку.

Рыцарство, въ виду всего Пскова, прорубившись длинными мечами, ворвалось въ полуразбитую ядрами башню и, подъ радостные крики своихъ войскъ, выбросило первую хоругвь.

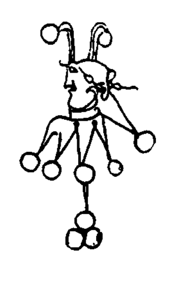
Повернувъ брошенныя псковичами пищали, они открыли стрѣльбу по отсѣкающимъ приступъ.

Дрогнулъ Псковъ. Князь Иванъ Шуйскій повелъ въ бой посадскихъ стрѣльцовъ.

Деревянная стѣна не была еще кончена. Она разрывалась на мѣстѣ сѣчи, какъ незапаянное кольцо.

А отъ храма Никиты Мученика шли на приступъ новые литовскіе полки.

Глухимъ набатомъ плакали колокола.

*

ушечный стукъ и тяжелый стонъ стоялъ надъ проломомъ. Лишь было чисто мѣсто сѣчи. Тамъ, сверкая, ходили топоры.

Стоя плечо къ плечу, въ взмокшихъ подъ кольчугами рубахахъ, въ накаленныхъ солнцемъ шеломахъ, псковичи, сбившись вокругъ темноликаго, поникшаго при безвѣтріи стяга, рубились, поднимая надъ головами тяжелые топоры.

Имъ казалось, что медленно течетъ солнце.

Потъ бѣжалъ по сѣрымъ отъ пыли, забрызганнымъ кровью лицамъ. Посѣченные грузно осѣдали на землю. Ихъ заступали другіе. Цѣпляясь за наваленные, какъ ржаные снопы, теплые трупы, отползали раненые и, умирая, крестились на знаменный ликъ.

Отвертываясь отъ ударовъ, теряя людей, пятясь сползали съ гребня псковичи.

XXXIII.

Тогда раненый князь Шуйскій, качнувшись, прижалъ къ себѣ отрока и приказалъ ему бѣжать къ собору Живоначальной за послѣдней помощью.

Соборъ не вмѣщалъ всѣхъ. Толпа занимала торговище. Подъ сводами храма игуменъ Тихонъ и весь соборъ, стоя на колѣняхъ, пѣли молебны. Какъ одна грудь, плакалъ народъ. Прерывались слова молитвъ. Женщины бились на полу, каялись въ грѣхахъ и протягивали ко Владычицѣ руки и дѣтей.

Лица были залиты слезами. Тяжелыми воплями передавались вѣсти съ торговища о чужихъ знаменахъ, о томъ, что, потерявъ многихъ, сползаютъ со стѣнъ псковичи. Каждая мать думала, что навсегда потеряла сына. Отъ человѣческаго дыханія гнулись и стекали свѣчи.

Раздвигая народъ, срывающимся голосомъ отрокъ вызывалъ игумена. Въ кровавой росѣ былъ его стальной панцырь.

Дойдя до собора, онъ выкрикнулъ народу приказъ воеводы и, обезсилѣвъ, упалъ съ лицомъ безъ кровинки. Онъ не слышалъ, какъ подъ пѣніе подняли печерскія иконы, старую хоругвь, мощи князя Всеволода, какъ изъ собора на залитое солн-

цемъ торговище хлынули женщины, а на колокольницѣ ударили трезвонъ.

Келарь Печерскаго монастыря и два инока, отвязавъ отъ ограды коней, поскакали впередъ къ проломному мѣсту.

Келарь Хвостовъ въ развѣвающейся рясѣ очутился около медленно отступающихъ псковичей.

— Братцы! Богородица идетъ, родимые, — крикнулъ онъ и, зарыдавъ, началъ благословлять ратниковъ крестомъ, давая съ коня цѣловать крестъ ловящимъ его запекшимся устамъ. И запѣлъ онъ сквозь рыданія.

— Царице моя Преблагая,

Надеждо моя Богородице...

Отъ собора, неся золотые пласты иконъ, бѣжала съ пѣніемъ и слезами женская толпа. Вопли, мѣшаясь съ молитвами, летѣли къ чудотворной иконѣ Успенія. Она, залитая царскимъ золотомъ, цѣпями, привѣсами и жемчужными уборами, что сняли съ себя псковитянки, тяжело колыхалась надъ головами. Народъ придвинулся. Приглушенная тяжелыми рыданіями молитва воскресла на проломѣ.

— Царице моя Преблагая,

Надеждо моя Богородице —

Заработали топоры. Съ края придвинулись окованныя желѣзомъ мужицкія палицы. Словно почувствовавъ на лицахъ прохладный вѣтеръ, псковичи вырвались на гребень. Крестясь межъ ударами, они начали сбивать венгровъ съ пролома въ забитый трупами, колами и камнями ровъ.

Подъ башней зажгли хворостъ. Дымъ пова-

лилъ изъ пробитыхъ дыръ. Затрещали, загораясь, бревна. Шатаясь отъ жара, начали сбѣгать внизъ рыцари.

Еще шла сѣча, но псковитянки бросились выносить раненыхъ.

Мать, сидя на землѣ, держала на колѣняхъ разсѣченную голову своего мертваго сына. Она разбирала его волосы, причитала тонкимъ измученнымъ голосомъ и цѣловала сыновній лобъ.

Феодора оубитого.
Симона оубита.
Олеѯіа наратину.
наратину знаніи

XXXIV.

осланныхъ къ озеру за хлѣбомъ нѣмцевъ встрѣтили рыбаки и изборяне.

Они бились до вечера, топорами изломали отходившій отрядъ и вогнали его въ топкое болото.

Когда на луга палъ закатъ, стихъ и потеплѣлъ вѣтеръ, далеко-далеко за холмами заплакали ратныя трубы. То изборяне созывали ратныхъ, пѣли вечернія молитвы и вмѣсто образа цѣловали ветхую избившуюся въ поляхъ хоругвь.

Въ туманное утро, когда медленно кружили ястреба, дымъ отъ подожженнаго тростника стоялъ надъ водой,— положивъ въ ладьи тѣла убитыхъ, пошли изборяне къ погосту.

На церковный полъ они опустили закостенѣвшихъ друзей, камнями закрыли имъ глаза. Выроставъ изъ-за воротовъ мѣдные створцы, вложили ихъ въ сложенныя крестами руки.

Мечами, начертивъ на травѣ крестъ, они рыли могилы. Потомъ у покрытаго дерномъ свѣжаго холма поминали побитыхъ съ попомъ и простоволосыми мужиками и отмачивали въ ключевой водѣ кровавыя наложенныя на глубокія рубленыя раны холстины.

XXXV.

Близъ устья Великой на холмѣ стоялъ брошенный иноками Снѣтогорскій монастырь. Онъ былъ занятъ гетманскимъ отрядомъ.

Литовскіе сторожа смотрѣли днемъ на голубѣвшее въ двухъ миляхъ Великое озеро. На немъ, какъ на морѣ, въ дыму плавали острова, гуляли волны и русскіе паруса.

На островахъ жили московскіе, пришедшіе водою стрѣльцы. Ихъ голова Мясоѣдовъ собралъ съ обозерскихъ деревень нѣсколько тысячъ народу. Кузнецы цѣлые дни ковали топоры и бердыши, и вооруженная вольница ходила въ ладьяхъ къ Обозерью бить бродячую Литву.

По ночамъ съ кормомъ они пытались прорваться къ Пскову и въ случаѣ удачи давали о себѣ знать огнемъ, зажженнымъ на башнѣ.

По приказу гетмана, стража преградила входъ въ рѣку, протянувъ отъ берега къ берегу связанныя цѣпями бревна.

* *

Въ ту ночь, отправивъ рыбаковъ къ Гдову, всѣми ладьями пошелъ Мясоѣдовъ въ Псковъ. Уже начиналъ у береговъ смерзаться ледъ. Зарывъ хлѣбъ въ ямы, они вышли на холодныя

озерныя воды. Завѣвало надъ черными волнами снѣга, стыли подъ бронями тѣла.

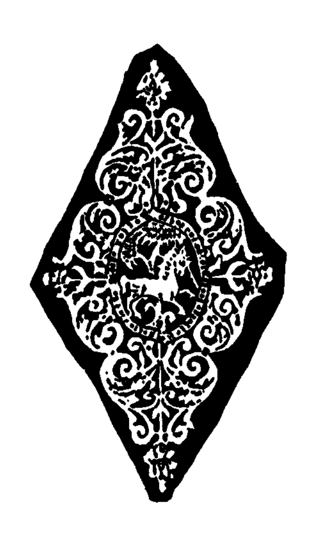
Была слышна страшная стрѣльба у Пскова. Раскаленныя ядра дугами чертили небо.

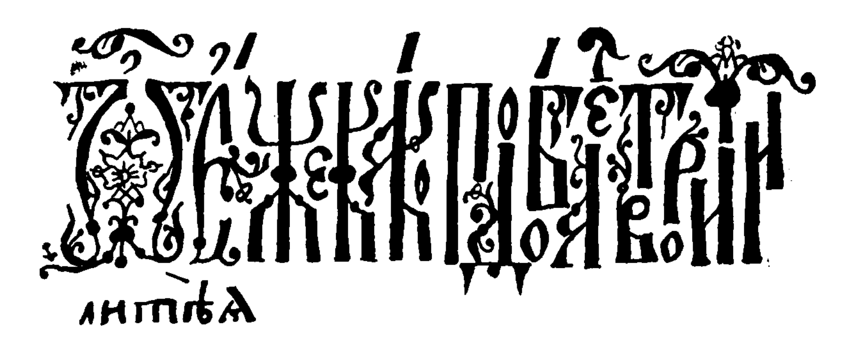
Приставъ къ берегу, стрѣльцы раздѣлились на два отряда.

Проснувшаяся стража ударила тревогу, и въ темнотѣ начался бой.

Сквозь кольцо конныхъ нѣмцевъ бердышами пробился Мясоѣдовъ, оставивъ за собою дорогу изъ порубленныхъ въ алыхъ кафтанахъ стрѣльцовъ.

Изъ Пскова выскочилъ на выручку посылочный полкъ, принялъ въ свои ряды Мясоѣдова и, отрубаясь, медленно отошелъ къ воротамъ.

Печеры бралъ Фаренсбекъ съ нѣмецкой конницей и венграми.

Морозъ съ вѣтромъ жегъ похудѣвшія лица кнехтовъ, рукояти мечей липли къ ладонямъ.

Прошло нѣсколько недѣль.

Такъ же стояла близъ спаленнаго посада обороняемая стрѣльцами и черными монахами обитель, поднявъ надъ стѣнами черныя голыя вѣтви дубовъ, и надъ оснѣженнымъ, синѣющимъ оврагомъ взлетало при стрѣльбѣ воронье.

Кругомъ шумѣлъ холодный боръ, близъ него не было жилья. Въ оврагѣ у замерзшаго ручья въ шалашахъ жили кнехты. Они ходили на приступы, а отбитые — съ радостью грѣлись у громадныхъ костровъ. Съ площадки венгры били изъ пушекъ черезъ полуразвалившіяся мѣстами стѣны. Съ немалымъ упорствомъ подъ ядрами поставили тамъ мужики деревянные срубы.

Пушечная пальба катилась по снѣжнымъ оврагамъ, рождала отклики въ борахъ. Огнезарное облако стояло надъ батареями.

Нѣсколько разъ, волоча за собою длинныя лѣстницы, ходили венгры къ пролому, но лучшіе рыцари отряда съ племянникомъ Курляндскаго герцога попали въ плѣнъ, свалившись за стѣну, съ подломившихся лѣстницъ. Въ жестокіе холода монахи и стрѣльцы бились у Никольской церкви въ однихъ кафтанахъ и безпрестанно звонили во всѣ свои колокола.

Фаренсбекъ былъ раненъ. Онъ раньше служилъ въ войскахъ царя Ивана и зналъ, что русскіе такъ же хорошо выдерживаютъ голодъ, какъ и свои посты. Онъ былъ золъ, что, несмотря на вызванныя венгерскія войска, новыя пушки и разбитый и разнесенный кнехтами на костры деревянный острогъ, обитель не пала.

Онъ посылалъ по ночамъ людей съ сѣкирами разбивать окованныя желѣзомъ ворота.

Испытанные въ бояхъ солдаты, возвращаясь, увѣряли, что отъ Печеръ нужно уйти, что это такое же святое мѣсто, какъ и Ченстоховская обитель. И клялись, что во время штурма они видѣли на проломѣ сѣдого старика.

ъ монастырѣ было голодно. Взялись за притухлый хлѣбъ. Въ переполненныхъ кельяхъ и пещерахъ начался моръ. Многихъ ратныхъ уже похоронили.

Передъ послѣднимъ штурмомъ иноки, надѣвъ схимы, готовясь къ концу, пріобщались въ соборной церкви.

Нечаевъ не сходилъ со стѣнъ.

Часто утверждая себя, онъ молился въ башнѣ и со слезами цѣловалъ материнскій охранительный крестъ.

* * *

Ночью стража, окликнувъ, схватила обходившаго валы голорукаго и босого, одѣтаго въ рубище мальчика.

Дрожа отъ холода, приведенный къ Нечаеву, онъ сказалъ, что, уснувъ, увидѣлъ Богородицу, и Она приказала ему пойти на валы и сказать людямъ, чтобы они, не робѣя, дрались и пѣли бы передъ образами молебны. Приласкавъ, сказала

ему Божія Матерь, что будетъ убіенъ во время осады онъ, отрокъ Юліанъ.

Завернувъ мальчика въ шубу, вывелъ его Нечаевъ къ ратнымъ, инокамъ и народу.

Къ пролому принесли образа и зазвонили.

Разбитыя стѣны и срубы ратники полили водой.

Утромъ во время приступа стѣны свѣтились льдомъ. Послѣ боя нѣмецкія роты отошли къ своимъ кострамъ, а иноки подъ Никольскій заиневшій сводъ начали сносить убитыхъ.

Средь нихъ былъ мальчикъ Юліанъ съ сложенными крестомъ на груди руками.

XXXVIII.

Стали рѣки, замерзли озера. Голая Псковщина лежала въ борахъ.

Псковъ съ изъѣденными опаленными стѣнами темнѣлъ подъ суровымъ зимнимъ небомъ.

Черезъ Великую, темнѣя, тянулась дорога изъ положенной ядрами Литвы. По льду гнали ротмистры пѣшіе полки. Они, боясь смерти, волочились кое-какъ.

Вьюги заносили литовскія землянки, рынокъ и кладбище. Тамъ уже по праздникамъ не били въ литавры. Незамѣтно покидали лагерь казаки, уходя грабить подъ Москву. Венгры дрались съ поляками изъ-за дровъ, литовцы грабили нѣмецкіе обозы, и на совѣтахъ ротмистры проклинали Московскій край, гдѣ земля, какъ камень, гдѣ при вѣтрѣ у всадника валится изъ рукъ копье.

Въ Псковѣ кончался хлѣбъ. Сдирая съ церковныхъ крышъ желѣзо, кузнецы ковали новыя ядра.

Въ январѣ снялись литовскіе станы, и полки двинулись по дорогѣ.

Въ Псковѣ ударили къ осадѣ. Ратники вышли на стѣны, но отъ литовскаго войска отдѣлился верховой на бѣломъ конѣ, въ аломъ стрѣлецкомъ кафтанѣ. Держа въ рукѣ посольскую грамоту,

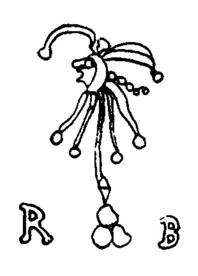
онъ подскакалъ къ Пскову. У тяжелыхъ пушекъ принялъ грамоту Шуйскій, прочелъ, перекрестился и, заплакавъ, обнялъ гонца.

По стѣнамъ и башнямъ полетѣла вѣсть, что пришло перемиріе. Подали знакъ звонарю, и въ соборѣ Живоначальной дрогнулъ колоколъ. Звонъ поплылъ на весь Псковъ.

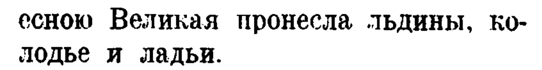
Одна за другой отвѣтили церкви, люди крестились, а стрѣльцы, поднявъ на руки гонца, понесли его на торговище. Онъ безъ шапки, утирая слезы, что-то кричалъ.

Никто не смотрѣлъ, какъ, бросивъ изрытое ямами становище, увозя сбитые изъ сосноваго лѣса гробы, выходила Литва на старую выжженную дорогу.

Ее провожалъ звонъ колоколовъ Пскова.

XXXIX.

Весною Великая пронесла льдины, колодье и ладьи.

Съ льдомъ уплыли литовскія побитыя зимою головы, растаялъ ржавый отъ крови снѣгъ, острая трава покрыла солнцепеки.

По водополью, на плотахъ, гнали къ Завеличью рубленые хоромы, а на выжженномъ посадѣ, сохранившемъ безглавыя каменныя церкви, стучали топоры.

Снова изъ-за собора Живоначальной бѣлыми стогами рождались весеннія облака, и пѣлъ каменщикъ, равняя и отбѣливая стѣны. У караульныхъ шатровъ дремали подъ солнцемъ стрѣльцы, рѣчнымъ пескомъ были отчищены пушки. Въ открытыя ворота выгоняли въ поля отощавшіе конскіе табуны.

Туча прошла веселымъ набѣгомъ, роняя теплый дождь; хлынуло солнце, и, какъ пламень, въ дыму засверкали кресты.

Подъ весенними вѣтрами гуще завилась трава, а тамъ, гдѣ ратные рубили березы, пни начали

истекать запѣнившейся розовыми клубами соковицей.

Въ легкой ладьѣ съ часовней на кормѣ, изъ гнѣздъ которой на воды и луга глядѣли иконы, по водополью, Соротью и Великой шелъ къ Пскову Святогорскій крестоходъ.

На мачтѣ, подъ вздувшимся латаннымъ парусомъ было поднято монастырское знамя, а выше его мѣдная хоругвь.

По пути послушникъ билъ въ колокола деревянной звоннички, стоявшей на носу.

На песчаныхъ берегахъ кланялся ладьѣ вышедшій изъ деревень народъ. Остановившись передъ пристанью, иноки служили молебны за тихое, безратное житіе.

У пороговъ ладью поднимали на руки мужики, обнося каменистыя мѣста, и съ пѣніемъ опускали ее на глубокія воды.

Пройдя Великой, къ Пскову присталъ крестоходъ и, поднявъ иконы, пошелъ къ Живоначальной поклониться уходившей въ свою обитель Печерской Владычицѣ.

Псковъ молился въ полѣ на крови.

Игуменъ Тихонъ благословлялъ крестомъ, дрожали звонницы, воеводы несли иконы, а солнце сушило землю и стѣны.

Въ полѣ у пролома забряцало кадило. Женскій плачъ зазвенѣлъ у стѣнъ. Вѣтеръ лохматилъ стрѣлецкія головы.

...На многихъ боехъ и на приступехъ, — велъ дрожащій голосъ, — кровь свою изливаше, на семъ мѣстѣ побіеннымъ, въ осадное время смертіе скончавшихся....

Ниже, склонивъ голову, дрогнула толпа.

А потомъ иконы тронулись впередъ, и изъ женскихъ грудей вырвалось:

— Царице моя преблагая,

Надеждо моя, Богородице...

У иконъ, какъ въ осадное время, сгрудились

стрѣльцы, женщины и дѣти. Пламенѣло золото ризъ, при поворотахъ загорались псковскіе жемчуга.

* * *

По обѣту въ Печеры съ Царицей Небесной шли воеводы, стрѣльцы и старые и малые сидѣльцы псковскіе.

На Розстаняхъ поляхъ, у крестомъ лежащихъ дорогъ прощались псковскія иконы, кланялись поднятыя десятками рукъ.

Когда печерскіе образа показали окованные серебромъ тылы, оставшійся на холмахъ народъ упалъ на колѣни.

Около псковскихъ стѣнъ уже орали землю мужики. Сохи чиркали. Трудно было за межу выкидывать каменныя и желѣзныя ядра.

А потомъ съ сумой вышелъ на свою пашню псковскій пушкарь, перекрестился на Троицу, попросилъ благословенія Божія и сдѣлалъ три шага.

Бросилъ онъ первую горсть зерна на просящаго, а вторую для себя.

Слава съвершителю Б҃гоу давшо
моу тω начатъ.
и конецъ.,

ослѣсловіе.

XXXXI.

лизъ деревни Пачковки стоитъ на камняхъ старая, съ покривившимся крестомъ часовня. Пожня вокругъ нея въ буграхъ и ямахъ. Изъ-подъ дерна сѣрѣютъ концы вросшихъ въ землю каменныхъ крестовъ. Нѣсколько старыхъ пней стоятъ на томъ могильѣ.

А поодаль, около рѣченки — часовня-столобокъ на вкопанномъ въ землю бревнѣ, ростомъ съ семилѣтняго мальчика, ее легко взять въ охапку.

Въ часовенкѣ — лампада, нѣсколько поколовшихся иконокъ и сѣдой отъ времени образъ благословляющаго Николы.

Здѣсь, за Печерскимъ посадомъ, богадѣльнями и кладбищами всегда тихо.

Внизу дѣлаетъ кругъ, обходя разрушенную мельницу, рѣка. Двѣ дороги расходятся отъ моста. Старая, размытая дождями идетъ черезъ снятые топорами боры на Псковъ, а новая — на Изборскъ.

На распутьи всегда переобуваются бабы-богомолки, вытряхивая изъ поршней песокъ. Весною здѣсь хорошо и спокойно.

Часовня не замкнута. Въ ней полутемно, тепло отъ солнца, сухо и пахнетъ старыми травами.

Изъ оконца, заложеннаго липовыми, потерявшими краску иконками, солнце падаетъ на принесенныя сюда изъ древняго Печерскаго храма Царскія Врата, деревянные подсвѣчники и сложенную въ углу вперемѣшку съ сухими вѣниками горку черныхъ отъ копоти погорбленныхъ иконъ.

Въ этой часовнѣ я встрѣтилъ дѣда. Онъ поправлялъ лампады и голикомъ подметалъ полъ.

— Ишь, времена какія, сынокъ, — сказалъ онъ, разогнувъ спину. — За эти годы солдаты всѣ часовни порастрясли.

Въ Рагозинѣ въ крестъ изъ ружья стрѣляли, а на Старой Пальцовской такъ Спасителю въ глаза выпалили. Вотъ, какая правда.

Подъ сѣдыми бровями у него были живые и ясные глаза.

Дѣдъ вышелъ изъ часовни, сѣлъ на камень и вздохнулъ.

— Вотъ дѣла раньше были. Я тебѣ разскажу.

*

Раньше, сынокъ, лѣса были могучіе.

Было вокругъ березье большинное, да разметали, поразвертѣли, поднасѣкли, соковицей спортили.

А лѣсъ какой, — улыбнулся онъ, — трещины даетъ бревно, а въ середкѣ желтое, какъ воскъ.

Вотъ у меня, милый, скамья дѣдовская такъ тяжела, какъ изъ воды вытащена. Была работа топоромъ хломать.

Онъ сидѣлъ, опустивъ межъ колѣнъ руки.

Такъ ты старину ищешь, — сказалъ онъ, погодя. — У насъ тутъ сильная старина.

По холмамъ много народу положено. Какъ бой былъ, такъ и кресты. Да разбиты они въ пастухахъ, вывернуты, какъ дорогу ставили.

А русскія это могилы. Наши. Плитина, а въ плитинѣ крестъ.

Помолчали. Солнце еще не садилось.

— Называлось Литва это войско. Вотъ шли этимъ разлогомъ, — онъ палкой показалъ на скрытый деревушкой оврагъ. — Станокъ ихъ былъ въ Рагозинѣ, гдѣ Солдатская Горка. Тамъ войско всегда поминаютъ. Шелъ оттуда Баторецъ, нашихъ побивъ. Путая народъ, что двѣ бочки золота опущены на цѣпяхъ въ озеро да бочка закопана близъ Чернаго ручья. Тамъ ямы разбуханы. Тю! — махнулъ онъ рукой, — нѣтъ ничего. А Господь зная.

Дюжіе были бои, — утвердительно сказалъ онъ. — Около часовни этой, сынокъ, тоже кладено войско. Бугорочки-то — могилки.

Еще когда нашихъ дѣдовъ здѣсь клали, чуть такъ помню, бѣгавши пастушкомъ, въ Троицкій четвергъ полувѣрцы ходили солдатъ поминать, березки торкали и плакали.

Я песокъ копалъ, такъ мертвую голову нашелъ, — зубы клубами, всѣ до единаго, и лебрушки. Шапку тогда я вытащилъ желѣзную...

— А гдѣ же шапка, дѣдъ?

— А бросилъ обратно, сынокъ.

Вотъ и Баторецъ не пролѣзъ въ монастырь. Да святые стояли за обитель, а не войско отбивалось. Божія Матерь войска ослѣпила и начали сами себя рубить. Миколай Угодникъ сколькихъ на проломѣ саблею заклалъ одинъ.

Онъ, сынокъ, за насъ стоитъ. И лежитъ онъ въ Тайловѣ.

— За границей его мощи.

— Тамъ мощей нѣтъ, — отвѣтилъ дѣдъ строго. — А икона есть наведена. Онъ самъ пошелъ по землѣ и въ Тайловѣ легъ. Мощей людямъ не соглядать.

Его нельзя, сынокъ, положить въ землю. Гдѣ ему хорошо, тамъ и онъ. Онъ, что сутки, то сапоги снашиваетъ. По межамъ пройдетъ — и хлѣбъ расти будетъ. Вѣрная правда, милый.

Когда теперь погода зайдетъ, суша-ли, дожди, — Миколу Угодника просимъ на поля и Царицу Небесную. И выходило такъ, милый, что очень правильно и опять Господь разрѣшалъ нашу

жизнь. Вотъ намъ Микола какой, все исполняетъ по молитвѣ.

Видалъ, сынокъ, — сказалъ онъ ласково, помолчавъ, — икона-то стоитъ въ обители, всѣмъ землямъ Матерь Божія. Сколько подъ нашимъ монастыремъ боевъ не было, а все помогала.

* * *

А только надо-бытъ, что жить, дѣтки, не долго, — сказалъ онъ, глядя на поля. — Все такъ проходя. Дѣды говорили: «возьмутъ царя живого, и онъ самъ корону броситъ». Шло тогда пламя, какъ заря, видно было, какъ въ небѣ войско шло. Самъ помню, какъ съ хвостомъ звѣзда ходила. Молву пустили тогда, что Антихристъ народился. И дано было знать. «Умолите, вѣку прибавлю, а не умолите, вѣку убавлю».

Все за грѣхи, — вздохнулъ дѣдъ, — приказъ невѣрный дѣлали.

Не показано, въ какое время, — приближая лицо, продолжалъ онъ, — въ какіе годы. Какъ Бога умолимъ. А може зандравится Ему, такъ и побольше проживемъ. Снаряды, по прежнимъ письменамъ, Богу не ндравились.

— А что-же еще дѣды говорили?

— Будетъ судить лапотъ, — отвѣтилъ онъ строго. — Будетъ такъ, что сынъ съ отцомъ судиться пойдетъ. «А тебя и слушать нечего», — бывало бабы скажутъ. А дѣдовы рѣчи-то пришлись.

Господь допуститъ потѣшиться. Суды пойдутъ кривые, а дороги прямыя, земля, вода будетъ пустѣтъ, а народъ хитрѣтъ.

Развѣ не такъ? Раньше по рѣкамъ, по озерамъ рыбы-то, а теперь и въ большихъ нѣтъ. Въ явственный день лѣтомъ, когда затихнетъ, Боже, въ рѣкѣ котломъ кипитъ. Есть запасишко, а то кошкомъ съ рѣчонки полно натягаешь. А снѣга были выше человѣка нанесены. А лѣтомъ жаръ, по пяску не пройти босикомъ. Дождь — парно, духъ спираетъ. Въ одной рубашкѣ душно.

Родиться хлѣбъ такъ не сталъ, жирить стали. При мнѣ все березье поплѣнили. Всѣ лѣса.

Кончены годы. Все, — вздохнувъ, сказалъ онъ и опустилъ голову.

* * *

Растреплютъ нашу плоть въ остатніе годы. Была у стариковъ молва такая. Голодъ начнется, хлѣбъ не будетъ родиться, и Ангелъ пойдетъ по землѣ, чтобы народъ помиралъ, а не достался Антихристу. Говорилъ дѣдъ: «будетъ плохо въ Расеѣ живому Царю».

Что деньги. Дюжіе отнимутъ. Придетъ время, по деньгамъ ходить будемъ.

Долго-ль, коротко-ль, а отъ Псковскаго озера съ Чухонскаго берега всѣ рыбаки уйдутъ. Трудныя будутъ прожитки. И будетъ народъ бѣгать взадъ и впередъ, съ востока на западъ, съ запада на востокъ. Будетъ мѣсто себѣ сочить, гдѣ лучше. И отъ голода и войнъ опустѣетъ земля, и человѣкъ, увидѣвъ слѣдъ, отъ радости заплачетъ.

Пройдетъ по землѣ Антихристъ, будетъ народъ къ себѣ пригонять, печати прикладывать, — дай крови печать. Наберетъ войско и начнетъ битву въ Псковѣ.

Загрузится тогда Великая рѣка войскомъ. Конецъ нашей жизни въ Псковѣ. Вотъ тогда и понесутъ Владычицу Печерскую въ Малы. Тогда на нашей землѣ лишь Изборскъ останется.

Къ Онуфрію снесутъ, въ Малы, тамъ его мощи подъ спудомъ. И въ тѣ времена мощи сами объявятся.

И въ небѣ надъ Псковомъ будетъ бой. Никола Угодникъ выѣдетъ и Илія Пророкъ. Въ Троицкомъ соборѣ лежатъ святые князья, и тѣ встанутъ. И на помощь придетъ Александра Невскій за нашу землю стоять.

Запрудятъ Великую рѣку народомъ. Схватятся съ Антихристомъ русскіе князья.

И побьетъ онъ ихъ, и не поправиться намъ будетъ.

Никола ихъ заступитъ, убьютъ Николу. Илію вышлютъ и его убьютъ, и ильинской кровью загорится небо.

Тогда Христосъ выйдетъ и побьетъ Антихриста, и задвинутся грѣшные крутой стѣной, и шабашъ, а праведные пойдутъ на мирное жительство, и опять православная вѣра будетъ единая.

Такъ-то, сынокъ, — покачалъ онъ головой.

Въ Печерахъ зазвонили. Дѣдъ поднялся и положилъ на себя три креста.

— У насъ звонъ долгій, — ласково сказалъ онъ и улыбнулся мнѣ, какъ родному. — Звонъ хорошій. Все такой осиповатый.

Вечерѣли весеннія печерскія поля.

1928 г.

Оглавленіе.

Joseph FLOCH, Maître-Imprimeur à Mayenne 27-4-1972, n° 4383

